

INSPIRIA

INSPIRIA

Бенедикт Браун
Снежная ловушка
мистера Куина
Серия «Ток. Мышеловка. В
лучших традициях классики»

текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/72631000>

Бенедикт Браун. Снежная ловушка мистера Куина: Эксмо; Москва;

2025

ISBN 978-5-04-231227-4

Аннотация

<p>Лондон. 1927 год. Снежный декабрь. Ровно год назад Мариус Куин написал свой первый детектив, принесший ему огромный успех. А сейчас за ним гоняются банки, издатель рвет и мечет и его самого настиг главный страх любого писателя – потеря вдохновения. Желая развеяться, Мариус принимает приглашение своей давней подруги леди Изабеллы отпраздновать Новый год в поместье одного известного актера.</p><p>Прихватив своего любимого пса Перси, Мариус направляется в роскошный особняк. Вот только на вечеринке вместо праздничного салюта гости слышат выстрелы... и вскоре находят хозяина дома убитым. Дорогу замело, полиции не проехать, поэтому на роль детектива

назначают именно Мариуса. И вот тут-то он понимает, что нужно спешить, ведь убийца точно прячется где-то в доме. Возможно, он – один из гостей. И возможно, он уже готовит новый удар.</p>

Содержание

От автора	9
Список персонажей	10
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	73
Глава 8	84
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Бенедикт Браун

Снежная ловушка

мистера Куина

Benedict Brown

MURDER AT EVERHAM HALL

Copyright © Benedict Brown, 2023

© Осминина А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

БЕНЕДИКТ БРАУН — англичанин валлийско-ирландского происхождения. Он родом из Южного

Лондона, но сейчас живет в Бургосе, прекрасном средневековом городе на севере Испании, со своей женой и двумя детьми. Писательство всегда было главной страстью Бенедикта. Свою первую книгу он начал писать еще в подростковом возрасте, а затем продолжил изучение литературы в университете, получив степень магистра по писательскому мастерству.

БЕНЕДИКТ БРАУН вырос в семье, помешанной на детективах, и за все эти годы он предпринял несколько неуклюжих попыток написать роман, прежде чем ему пришла в голову идея его первого детектива.

* * *

Великолепная детективная история в праздничной атмосфере Англии 1920-х годов с предчувствием надвигающейся бури, приправленная искрометным юмором и оригинальным повествованием автора. Живые герои, с которыми не захочется расставаться. Вы определенно влюбитесь в Мариуса Куина.

HOOKED ON BOOKS, книжный сервис

Настоящий подарок для любителей классических английских детективов с атмосферой зимнего уюта. Книга цепляет легким стилем повествования и ненавязчивым юмором. Любопытно было наблюдать, как человек, привыкший придумывать детективные

истории на бумаге, впервые сталкивается с настоящим расследованием. Это отличный выбор для зимнего вечера, если хотите пощекотать нервы, не перегружая себя сложными сюжетными поворотами.

ГАРИК САРГСЯН, бренд-менеджер

Когда читаешь такие истории, непременно хочется укутаться в теплый плед, взяв чашечку горячего шоколада, и погрузиться в расследования. Бенедикт Браун отдает дань золотому веку классических английских детективов и с настоящим мастерством воссоздает атмосферу, знакомую читателям по книгам Джона Диксона Карра, Джозефины Тэй, Пелама Вудхауса и, конечно, Агаты Кристи.

АЛИНА ЛЕСНЯК, редактор

Это классический герметичный детектив с юмором в духе Вудхауса: засыпанный снегом особняк в английской глубинке, собравшиеся гости, новогодний салют – и неожиданное убийство. Герои получились особенно милыми и живыми, где-то недотепистыми, где-то забавными – думаю, если бы Берти Вустер расследовал убийство, то именно так.

АНАСТАСИЯ ОСМИНИНА, переводчик книги

* * *

*Моей жене Марион
и нашим необыкновенным детям,*

*Амели и Озиану. Ради вас я готов
на любую тяжелую работу*

От автора

Дорогие читатели, добро пожаловать в мою новую серию детективов в эпохе 1920-х годов! Надеюсь, именно такие книги вам и нравятся.

В книге будут представлены список персонажей и глава о неожиданных исторических фактах, которые я узнал, пока работал над «Снежной ловушкой мистера Куина».

А теперь – за расследование!

Список персонажей

Мариус Куин – солдат Первой мировой войны с разбитым сердцем, ставший писателем детективных романов, переживает творческий кризис.

Бертранд Прайс-Льюис – издатель и друг Мариуса.

Леди Изабелла Монтегю – подруга детства Мариуса, дочь герцога Хёртвуда.

Гилберт Бэйнс – парень Беллы, весьма непривлекательный банкир.

Сесил Синклер – друг Беллы и клиент Гилберта, распущенная кинозвезда, который и устраивает вечеринку в канун Нового года.

Просто Поппи – девушка Сесила и начинающая актриса.

Антон Кавендиш – известный кинорежиссер, снявший несколько фильмов с Сесилом.

Альма Кавендиш – жена Антона и ведущая актриса во многих его фильмах.

Росс Синклер – стареющий отец Сесила, бывший моряк.

Эдит Хэвлок – слишком юная невеста Росса, в прошлом секретарша.

Карл Уилсон – не ведущий гитарист группы The Beach Boys, а младший клерк в банке Гилберта. Застенчивый, нервный, большой фанат кино и книг.

Перкинс – дворецкий в Эверхэм-Холле.

Филипп и Мэтью – лакеи в Эверхэм-Холле (а также это имена двух моих кузенов).

Дядя Стэн и тетя Эль (на самом деле ее имя Эльфрид, но я все время забывал, как оно пишется) и *мама Мариуса* – думаю, эти имена говорят сами за себя.

Глава 1

Лондон, декабрь 1927 года

Я бы сказал, что сегодня просто такой день, когда все валится из рук, но в этом году это почему-то происходит ежедневно.

Пришлось выбраться из своего убежища в Сент-Джеймсе¹ – меня вызвали в штаб-квартиру издательства «Прайс-Льюис энд Астер». Стоя там, я воображал всевозможные наказания за свои прегрешения, и кабинет моего издателя казался огромным и угнетающим. Слоняясь перед его столом, точно мальчишка перед директором школы, я ждал своего шанса объясниться.

Берtrand Прайс-Льюис неторопливо писал что-то в блокноте – не сомневаюсь, только чтобы помучить меня. Решив, что достаточно промариновал своего гостя, он поднял голову и с полуулыбкой кивнул, приглашая начать.

Я откашлялся и сделал то, что могло бы мне помочь свести концы с концами.

– Вообрази такую сцену: ветер треплет ветви деревьев, ухает сова, но больше ни звука не раздается в этом пустынном месте. Не слышно ни шума моторов, ни детского сме-

¹ Сент-Джеймс – престижный центральный район Лондона рядом с Букингемским дворцом. *Здесь и далее – прим. переводчика.*

ха. Фигура в плаще бежит к старинному особняку, вокруг ни души, один лишь ветер – и птичий крик.

– Великолепно! Так место действия – развалины загородного поместья? – перебил меня он.

– Верно. – Я переминался с ноги на ногу. – Но ты мог бы не сбивать меня с настроения?

– Конечно, прошу прощения. Продолжай.

Я снова вернулся к рассказу:

– Человек останавливается, окидывает взглядом окрестности, а затем идет через сады. В воздухе чувствуется мороз, светит полная луна. Серебристый свет отражается от укрывшего землю снега...

– А, так там снег! Мне очень нравятся зимние детективы. – Берти радостно потирал руки. – Книга будет хорошо продаваться, хотя, возможно, тебе стоило бы упомянуть снег с самого...

– Можно я продолжу? – перебил его уже я. – Вообще-то я пытаюсь воссоздать атмосферу.

– Ты прав, совершенно прав. Продолжай. – Он сел ровнее в кресле, как будто показывая, что полностью уступает мне сцену.

– Снег лежит плотным ковром. Отблеск лунного света появляется на зазубренном и плотоядном лезвии ножа, который держит в руке человек в плаще. – Я только закончил фразу и практически услышал, как Берти подумал: «Хм, на мой вкус, слишком много прилагательных!» – Лишь мгнове-

ние мы видим лицо мужчины, но не можем разглядеть. Он снова останавливается, возможно прислушиваясь к едва различимым звукам, которые унес с собой ветер, а затем резко поворачивается и идет через внутренний двор ко входу в дом.

Я уже чувствовал себя увереннее, разворачивая перед ним картину своей истории, и даже на миг смог представить, как сам стою морозной ночью у того обветшавшего особняка.

– Он идет быстрее, поднимая снежную пыль, а мы, как читатели, идем за ним и видим его глазами: он ищет свою жертву. Дойдя до крытого крыльца, он тянет дверь на себя, но обнаруживает, что она заперта, и ему приходится обойти здание с другой стороны в поисках входа. Во второй раз ему везет: он дергает за ручку, и скрип петель практически оглушает его. Даже пугает – да, он боится за свою жизнь. И тогда мы задаемся вопросом: а кто же этот человек? Он убийца? Сумасшедший или упрямый мститель?

Мой кудрявый издатель одобрительно хлопал в ладоши и молчал.

– В доме наш загадочный незванный гость идет через лабиринт коридоров. Собственные шаги звучат очень громко, и он боится, что его выдаст какая-нибудь скрипнувшая половица. И тут читатель понимает: это, должно быть, вор, который ищет что-то ценное в заброшенном доме. Он заходит в гостиную, проходит к богато украшенному шкафу. Отложив

нож, чтобы освободить руки, он открывает замок маленьким серебряным ключиком, который носит на цепочке на шее, и тут на его затылок опускается молоток. Кровь заливает все вокруг, точно лава, и перед тем, как глаза нашего героя закрываются навсегда, он видит улыбку на лице своего убийцы.

Несколько секунд я молчал, проверяя, как отреагирует мой пухлощекий собеседник.

Но он ничего не сказал. Просто выжидательно смотрел на меня.

– Название – «Проблеск кровавой луны», – сообщил я спустя еще несколько секунд.

– И? – наконец ответил он.

На такую реакцию я не рассчитывал.

– В каком смысле «И?»?

Широкие кустистые брови озадаченно соединились в одну.

– И что дальше? Начало отличное, но всего пара сцен – это мало. – Он сложил руки на столе.

Я рассмеялся, как будто он сморозил какую-то глупость.

– Берти, старичок! Это не просто начало. В одной этой сцене у тебя целая книга! Ты разве не видишь?

У него задергался правый глаз, и я понял, что он видит меня насквозь.

– Нет, Мариус. Боюсь, что нет. – Отодвинувшись от стола, он поднялся. Бертранда Прайса-Льюиса и так великаном

не назовешь, так что это действие добавило ему всего сантиметров тридцать. – Как ты будешь удерживать внимание читателя на протяжении двухсот пятидесяти страниц? В чем завязка? После вступления мне лишь хочется узнать больше.

Я откинул темные волосы со лба.

– Этого мы все хотим, разве нет? Нам нужно, чтобы читатель открыл книгу и не закрывал, пока не дочитает последнюю страницу.

– Совершенно верно, но было бы гораздо лучше, если бы первая глава не оказалась также и последней. – Он обошел стол и встал передо мной. Берtrand был невысоким крепким мужчиной шестидесяти пяти лет. Уверен, дойди дело до драки, я бы задал ему хорошую трепку, но это не меняло того факта, что он пугал меня до чертиков. – Прежде чем мы продолжим, я бы хотел узнать основную идею и всю историю целиком.

– Всею свое время, Берти. Всею свое...

– Мариус, ты хотя бы сам представляешь, что произойдет после этой первой сцены?

В небольшом шкафчике в углу его хорошо обставленного кабинета стояли напитки. Пить мне не хотелось. Было всего одиннадцать утра, как правило, один я алкоголь не пью и тем не менее налил себе порцию бренди.

– Конечно, я знаю, что произойдет дальше. Я же сказал тебе название...

– Да, я слышал. «Проблеск кровавой луны». Но что-то

непохоже, что, кроме обложки, там будет что-то еще.

Я сделал глоток бренди и пил, пока в бокале не осталось ни капли. Горло горело, но так я хотя бы отсрочил неизбежное еще на пару секунд.

– Мариус! – Всю доброжелательность Берти как рукой сняло. – Ты хотя бы страницу написал?

– Твое отсутствие веры в меня поражает. Я написал целую главу!

Сложно представить, но я произнес это с гордостью – а ведь когда зашел в кабинет пять минут назад, именно этот факт больше всего хотел скрыть.

– Главу? – Одно это слово прозвучало так печально и разочарованно, что лучше бы Берти кричал. – У тебя был целый год, а ты написал всего одну главу?

Ничего хорошего из моих попыток скрыть правду не вышло, так что я постарался придумать что-то в свою защиту.

– Сказать по правде, это довольно длинная глава. И не забывай про снег. Тебе понравился снег.

Смотреть на меня он не мог, так что просто упал в обитое бордовой кожей кресло.

– Но твой аванс... Больше никому такого не платили за всю историю издательства.

– Я как раз хотел об этом поговорить. Видишь ли, я его потратил, и мне не помешало бы немного денег, чтобы продержаться несколько месяцев.

– Ты его потратил? – Берти уставился на меня абсолютно

круглыми глазами и стал похож на сову. – А как же роялти за последнюю книгу?

– И их потратил. – В отличие от ощущения ужаса вначале, рассказав о своей проблеме, я странным образом почувствовал прилив сил. – Я купил квартиру в Сент-Джеймсе, и у меня не осталось ни гроша.

Берtrand молча покачал головой. Он и раньше мне удивлялся, но моя глупость его явно загипнотизировала.

– Так продай ее!

– Не могу.

– Почему же? – От напора в этих двух словах я вздрогнул.

– А как же моя мать? Не говоря уже о дяде с тетей. Они окажутся на улице.

– Ты живешь с матерью?

– Она осталась совсем одна, – поспешно пояснил я. – И когда она приехала в гости, то мельком упомянула, какие большие у меня гостевые спальни, а я не так жесток, чтобы лишать старушку своего общества.

– Тогда каким образом там оказались твои дядя с тетей? – Берти явно меня не понимал, и я уже перестал надеяться, что вообще поймет.

– Было бы грубо не пригласить их, когда мама переехала ко мне. Я старался быть хорошим племянником.

На этом моменте он обхватил голову руками, будто уже был не в силах дальше все это выносить.

– А ты не думал купить что-то подешевле? Я слышал, сей-

час в Хакни² вполне доступное жилье.

— Ну, моя книга оказалась успешной, и, признаться, я никогда не думал, что вдруг потеряю вдохновение. — Я снова попытался перевести беседу на ту тему, которую действительно хотел обсудить. — Так что если бы ты одолжил мне какую-то сумму, чтобы я мог продержаться, пока снова не польется поток идей, это бы...

— Ни фунта больше! — Три слова прогремели как гром. Берти уже не был моим издателем ростом метр с кепкой и с идеально круглым животом. Берtrand превратился в испанского воина. — Я уже сталкивался с такими проблемами у писателей. Единственное решение — держать вас на голодном пайке.

— Но я уже голоден, — скрипя зубами, ответил я. — И сократил даже необходимые траты.

Мой издатель внезапно оказался на пару метров ближе, точно Зевс, появившийся перед дрожащим крестьянином.

— Ни фунта, ты понял? Иди домой, достань ту дорогушую пишущую машинку, которую я тебе купил, и напиши вторую главу «Проблеска кровавой луны», а затем третью, четвертую, и так до тех пор, пока не получится что-то, что можно будет назвать романом!

Так как другие способы не сработали, я решил воззвать к

² Лондонский боро Хакни — один из 32 лондонских боро (районов), находится во внутреннем Лондоне, в северо-восточной части города, неофициально носящей название Ист-Энд.

сочувствию:

– Берти, мне нужна твоя помощь. Банки уже в ярости. У меня есть время до конца января, и если к тому времени я не сделаю очередной взнос за квартиру, они всё заберут.

Бертранд застыл на месте, превратившись из греческого божества в его же статую.

– Я буду давать тебе по сто фунтов за каждую главу.

Я вздохнул и опустил голову, глядя на богато вытканый ковер.

– Я днями смотрел и смотрел на пишущую машинку, и ничего. Боюсь, я забыл, как писать.

Берти прошел к двери и распахнул ее:

– Таковы мои условия. Ты знаешь, я к тебе хорошо отношусь. Но я оказал бы тебе плохую услугу, если бы просто дал пару банкнот и отправил восвояси. Это твоя яма, и ты сам должен из нее выбраться.

Он мотнул головой в сторону ресепшена, и я почувствовал себя так, будто хирург разрезал меня пополам и принялся переставлять местами органы.

– Но, Берти, – в последний раз попробовал я, – сейчас же сочельник...

– Поздравляю, Мариус. Надеюсь, Санта-Клаус принесет тебе новую главу. – Он указал на дверь, и у меня не осталось никаких сомнений.

Опустив голову, я медленно побрел прочь из кабинета. Даже непроницаемое лицо секретаря приобрело слегка со-

чувственное выражение при виде меня, и, когда я дошел до выхода, Берти крикнул мне вслед:

– Постой, мой мальчик. погоди минутку.

Я повернулся, увидел улыбку на его лице, и все внутри вернулось на свои места.

– Берти, дружище!

– Как ты сказал, сейчас Рождество. – Он залез в карман сюртука, и в этот миг я любил его больше, чем за все три года нашего знакомства.

– Ты передумал!

– Что, прости? – Он озадаченно взглянул на меня, доставая из внутреннего кармана карточку. – А, нет-нет. Просто Марджери велела убедиться, что в День подарков³ ты придешь к нам на ланч. Моя обожаемая супруга беспокоится, жив ты или нет, если не видит тебя какое-то время. Уверю тебя, будет настоящий пир!

Берти вложил карточку мне в руку и подтолкнул меня в сторону выхода.

³ День подарков (*англ.* Boxing day) – 26 декабря, второй день рождественских праздников. Раньше в этот день в Англии и странах Британского Содружества было принято дарить подарки нуждающимся, а также слугам и всем, кого хотелось поблагодарить за хорошую работу.

Глава 2

– А-а-а-а! – Именно этот звук вырвался у меня, когда я вышел из офиса издательства «Прайс-Льюис энд Астер» в Блумсбери⁴.

– Га-а-а-а! – А вот что прозвучало, когда я попытался пнуть мусорный бак, поскользнулся на обледеневшем тротуаре и промахнулся.

– Эй! Вы что удумали? – Конечно, и полицейский тут как тут, готовый меня отчитать. – Приятель, это мусорный бак его величества. Тебе повезет, если на нем не окажется повреждений, в противном случае я отведу тебя в магистрат.

Я к тому моменту уже лежал на спине, но чувствовал себя обязанным ответить на это смехотворное заявление.

– Так королю принадлежат не только все лебеди в Великобритании⁵. Получается, он владеет и всеми мусорными баками тоже?

– Именно так, молодой человек. – Бобби в темно-синей форме был старше меня всего на несколько лет, но пышные усы придавали ему вид старика. – Это государственное иму-

⁴ Блумсбери (*англ.* Bloomsbury) – исторический район Лондона в южной части боро Камден в Вест-Энде, традиционный центр интеллектуальной жизни Лондона.

⁵ Все дикие лебеди Великобритании по традиции принадлежат монарху, с XII века и по сей день даже проводится инвентаризация лебедей-шипунув на Темзе.

щество, а кто им владеет, если не сам король?

Я видел, что его знания о монарших полномочиях менее чем обширны, но решил не спорить.

– Отлично. В таком случае передайте королю Георгу⁶ мои извинения. Я не хотел оскорбить ни его самого, ни его мусорные баки.

Услышав мой кроткий ответ, полицейский слегка смягчился:

– Признаться, у меня сегодня утром нет настроения кого-либо арестовывать. – Его лицо осветилось ликованием, и он явно хотел сообщить мне причину. – Видите ли, я только что стал отцом.

Я протянул полицейскому руку, надеясь, что он поможет мне подняться. Вместо этого он воодушевленно пожал ее и продолжил болтать:

– Мой малыш Кермит – славный парень. Если у вас еще нет детей, настоятельно рекомендую! Нет ничего лучше в жизни, чем тот момент, когда ты впервые смотришь на своего ангелочка.

Удивляясь чуду, благодаря которому появляется новая жизнь, он не спеша пошел прочь, насвистывая веселую мелодию и помахивая дубинкой. Но только я собирался подняться, как толпа бизнесменов начала перешагивать через меня. Я задумался, не лучше ли сдаться на милость судьбе и

⁶ Имеется в виду король Георг V (1865–1936), правил Великобританией с 1910 по 1936 год.

устроиться спать на тротуаре.

Удивительно, как все изменилось за такое краткое время. Я всегда считал себя уверенным человеком, способным решать проблемы. Войну я пережил, получив всего несколько ранений от шрапнели, а когда купил свою квартиру, то и вообще думал, что все мои беды позади. Мне всего лишь нужно было написать вторую книгу, но что-то мешало – что-то, что больше не работало так, как раньше. Так что там я и лежал, совсем рядом со сточной канавой, и смотрел на звезды.

– Вы в порядке? – раздался поблизости приятный голос.

Офис моего издательства находился рядом с отелем «Рассел», и... ну, это была модная часть города, мягко говоря.

Кто бы ко мне ни обращался, она подошла ближе. Я все еще не мог обернуться, совершенно выбившись из сил, но, по крайней мере, слышал цокот каблучков по каменным плитам. Перед моим лицом показалась грациозная ручка, и я протянул в ответ свою.

– Господи, Мариус! Это ты!

Я как раз отряхивал грязь и лед с офицерского сюртука и не смотрел на нее. Странно, что я не узнал ее в тот же миг. А должен был бы – по первому слову, но прошло больше десяти лет, мы оба выросли за эти вставшие между нами годы.

Я наконец посмотрел на нее: там, прямо передо мной, стояла моя детская любовь. И тут же в середине зимы будто расцвел вишневый сад в центре Лондона. На мгновение я даже подумывал перебежать дорогу и спрятаться в безопасном

парке, но потом произнес ее имя и понял, что пути назад уже нет:

– Белла.

Она была даже прекраснее, чем я помнил. Знаю, писатели должны уметь обращаться со словами, но это не значит, что я могу точно передать истинное, неуловимо-загадочное очарование человека. У нее были выразительные глаза, фарфоровая кожа, темные волосы, переливающиеся как шелк и поблескивающие в тусклом свете, и так далее и тому подобное...

Если б я продолжил, то вполне мог бы написать эпическую поэму. Так что ради всеобщего блага остановлюсь на этом. Скажу только, что когда я увидел ее, то почувствовал, словно именно ее не хватало в моей жизни. Собственно, я чувствовал то же самое, что и во время нашей последней встречи, – будто сердце в груди перестало биться.

– Боже ты мой, Мариус, – повторила Белла. – Такой сюрприз – столкнуться с тобой вот так. Я не видела тебя...

– Примерно десять лет, – перебил ее я, чтобы не дать заговорить о нашем последнем вечере вместе. А потом самым приятным своим голосом сказал: – Рад тебя видеть.

Белла ничего не ответила. Рассматривала меня, как студент изучает какую-нибудь любопытную скульптуру в Британском музее. И пока ее глаза искали в моем лице неизбежные за столько лет изменения, я думал о том, как хочу снова взять ее за руку, чтобы еще на мгновение ощутить это при-

косновение.

Мы стояли так пятнадцать секунд, и каждая из них длилась часы, а потом, когда Белла наконец заговорила, она сказала вовсе не то, что я хотел услышать.

– Мариус, ты выглядишь чудовищно. У тебя все хорошо?

Я рассмеялся. Тем громким, нелепым смехом, от которого все становится только хуже.

– У меня просто неудачный де... жизнь, – ответил я вопреки своему желанию.

– Идем со мной.

И не успел я возразить, как Белла схватила меня за руку и потянула по тротуару мимо издательства. На мгновение закралась мысль, не хочет ли она отвести меня в приют Армии спасения, убедиться, что мне дали одеяло и миску горячего супа, а потом снова исчезнуть из моей жизни. Вместо этого она чуть крепче сжала мою ладонь и перевела через дорогу, в парк, который располагался в центре площади.

– Подожди здесь всего минутку. – Белла посмотрела мне в глаза, и я сделал бы все, о чем бы она ни попросила. Она бросилась через дорогу, пробираясь через уличное движение, будто простые машины и грузовики не могли ей навредить.

Я столько раз представлял нашу встречу, но никогда не думал, что сам при этом буду лежать на тротуаре, как и не предвидел обеспокоенного взгляда Беллы, когда она переводила меня через дорогу в сквер и просила пообещать, что я не сбегу. Могу лишь предположить, что она сделала бы то

же самое для бродячей собаки.

Я наблюдал, как Белла подходит к своей машине «Санбим 12/16», которая была у нее с юности. Меня порадовало, что она так и не купила себе вместо него «Даймлер» или «Бентли», которые определенно предпочитала вся ее пугающе состоятельная семья. А ей всегда идеально подходил «Санбим».

Однако менее идеальным был ее шофер Кэкстон. Старый зануда всегда меня терпеть не мог, и сейчас его взгляд метнулся ко мне через дорогу, как стрела, пока мужчина слушал Беллу. Он всегда был из тех, у кого есть мнение обо всем на свете и кто благодаря своему положению доверенного слуги семьи Монтегю мог выражать его, когда вздумается. Даже с пятидесяти шагов я знал, что именно он думает обо мне.

– Приятно видеть, что кое-что не меняется, – сказал я, когда моя старинная подруга вернулась.

Белла продела свою руку в мою, и злополучное утро тут же стерлось из моей памяти.

– Ох, пойдем. Мы слишком давно не виделись.

Мы пошли по аллее, разрезающей парк наискось, и Белла болтала так, будто и не было всех этих лет.

Я мягко похлопал ее по руке:

– Иначе и не скажешь.

– Я бы спросила тебя, чем ты занимался, но и так знаю ответ, – заговорщицким тоном прошептала она.

В каждом слове я искал скрытый смысл. Если Белла зна-

ла, чем я занимался, означало ли это, что она специально следила за моей карьерой? Или просто случайно наткнулась на мою книгу в каком-то магазине?

От извиняющейся улыбки на ее щеках появились две идеальные ямочки.

– Я, наверное, купила штук двадцать экземпляров «Убийцы за кулисами».

– Это половина всех проданных копий. – Я надеялся, что прозвучит скромно, но Белла только неодобрительно поцокала языком в ответ.

– Ты слишком к себе строг. Мы оба знаем, какой ты успешный писатель.

– Дела идут неплохо, – соврал я, а потом вопреки голосу рассудка попытался похвастаться: – Теперь живу в доме на Сент-Джеймс-сквер. Номер пятнадцать. – И сразу же почувствовал себя дураком, который пытается впечатлить дочь герцога подобными мелочными заявлениями.

– Счастливчик, – неожиданно меланхолично заметила Белла. – Я бы хотела больше времени проводить в городе. Хёртвуд-Хаус – очаровательный старинный замок, но я никогда не думала, что в двадцать восемь лет все еще буду жить там.

Если Белла жила в родительском доме, это означало, что она так и не вышла замуж. Если, конечно, супруг не переехал к ней и они... Мрачные мысли охватили меня, и я пожалел, что на самом деле не являюсь тем обходительным, но отстра-

ненным парнем, каким мне нравилось себя представлять.

– Расскажи, чем ты занималась все это время, – поинтересовался я, чтобы скрыть свои настоящие мысли. Вдоль аллеи, по которой мы шли, были расставлены бронзовые статуи старых лордов и политиков, и Белла перевела взгляд на одну из них и только потом ответила:

– Уверена, ты сам можешь догадаться. – Она снова улыбнулась, и будто солнышко вышло из-за туч. – Я вызвалась помочь, когда во время войны правительство превратило наш дом в центр реабилитации для раненых солдат из корпуса инженерных войск. Несколько лет работала в Министерстве внутренних дел, но потом отец заболел, и я вернулась домой ухаживать за ним.

– Жаль это слышать. Я всегда с теплом относился к лорду Хёртвуду.

На миг ее прелестное лицо омрачилось, но лишь на миг.

– Он тоже хорошо о тебе отзывается.

Мы не знали, что сказать дальше, и молча дошли до фонтана в центре площади. Белла первой сумела заговорить:

– Так почему же ты лежал на тротуаре? – Обеспокоенное выражение снова вернулось. – Что-то не так?

– Что-то не так? Со мной? – фыркнул я, сдувая челку, и сделал еще одну попытку улыбнуться. – Никогда не чувствовал себя лучше.

– Брось, Мариус. Я знаю тебя с пяти лет, и ты думаешь, я в это поверю?

– Честное слово. Просто мой издатель хотел, чтобы я поменял имя одного из персонажей моей новой книги, а я отказался, вот и все. И да, я поскользнулся на льду и лежал на тротуаре, пока через меня перешагивали люди, но это только потому, что слишком задумался об идеях для новых книг. – Я все же немного надеялся, что она поверит этому слабому оправданию.

– Что ж, хорошо... – Я сначала удивился, что Белла не стала настаивать, но оказалось, что она захотела поднять другую тему. – Были ли какие-нибудь известия с тех пор, как твой отец пропал?

Я и не знал, что есть столько тем, которые мне совершенно не хотелось обсуждать. Война, финансовые сложности, последний вечер перед моим отъездом во Францию, пропавший отец... Когда я мечтал о нашей случайной встрече, то определенно не думал о тех вопросах, которых стоило избегать любой ценой.

– Боюсь, никаких новостей нет. Он просто испарился. Конечно, будь я хотя бы вполовину таким хорошим писателем детективов, как любят утверждать мои издатели, я бы сам раскрыл его исчезновение.

Белла отошла на несколько шагов от меня, затем потуже затянула пояс на своем шерстяном фиолетовом пальто.

– Я хочу извиниться за кое-что еще.

Мне хотелось сказать ей, что сама мысль об этом была бы нелепа. Хотелось сказать, что такие, как она, не могут быть

ни в чем виноваты, но вместо этого я молча смотрел на Беллу и ждал.

– Я должна была написать тебе на фронт. Я должна была...

– У тебя была веская причина этого не делать.

Вот и все, что я смог сказать в ответ: хотел, чтобы это прозвучало с теплотой, но не получилось. Вышло по какой-то причине горько, и я пожалел, что не могу забрать назад каждую букву – так же, как стираю слова в своих книгах.

Я не мог придумать, что такого ободряющего сказать Белле, но молился, чтобы она не вернулась к прошлой теме. Время, которое я провел во Франции, оказалось идеальным, хоть и трагическим отвлечением от нашей последней встречи, после которой я отправился на войну. Мне тогда было всего восемнадцать, но наш разговор напугал меня не меньше, чем то, что я увидел потом на континенте.

Белла взглянула на серебряные часы на изящном запястье, и я уже знал, что за этим последует.

– Боюсь, мне пора. Мне еще нужно купить несколько подарков и приехать обратно в Хёртвуд к ужину.

На пару секунд я старательно стиснул зубы, чтобы не вырвалось какое-нибудь неуместное бормотание. На самом деле я хотел сказать следующее: «Последние десять лет я провел в попытках забыть тебя и теперь вижу, какой это было ошибкой. Я должен был сразу после войны приехать к тебе и попытаться снова, но если я что-то могу сделать, чтобы все

исправить, я это сделаю». Но вместо этого коснулся ее плеча и сказал:

– С Рождеством, Белла. Сердечный привет твоей семье.

– Мой дорогой старый друг, не могу передать, как я скучала по тебе.

Она положила свою руку поверх моей, и я ощутил тепло, будто она только что грелась у огня.

– Второго такого Мариуса Куина не найти.

Случалось ли вам вдруг осознать, что вы прожили свою жизнь совершенно не так? Мне – да, именно сейчас.

Больше ничего не добавив, Белла повернулась, отошла, а я стоял там, как дурак, и никак не пытался ее остановить. Ее нефритового цвета юбка взметнулась у лодыжек, и я хотел, чтобы Белла оглянулась, но этому не суждено было случиться.

Вместо мягких белых хлопьев, которых всегда ждешь в этом сезоне, моросил ледяной дождь. Я поднял воротник повыше, чтобы не замерзнуть окончательно, хотя погода была меньшей из моих проблем. Я только что второй раз простился с этим чудесным созданием и наконец понял, что со мной не так. Все, что я делал последние несколько лет, было для леди Изабеллы Монтегю. Мне никогда не хотелось жить в модной части Лондона, но я купил дорогую квартиру в надежде, что она узнает об этом и подумает, что я наконец достоин ее. Мне было плевать на высшее общество или дорогие машины, но я заиклился на идее самосовершенствования.

ния, толком не понимая почему.

Вместо того чтобы сесть в автобус или потратить последние пару монет на такси, я в мороз шел пешком через Блумсбери, мимо Британского музея. Прошел ярко сияющие театральные вывески на Шэфтсбери-авеню и пожалел, что моя собственная пьеса провисела на таких высотах не так долго, а еще что я потратил на нее оставшиеся сбережения.

По Пикадилли оживленно сновали делающие последние покупки горожане, нагруженные свертками и пакетами: спешили домой праздновать Рождество, а я, пока добрался до своей квартиры на первом этаже в доме на Сент-Джеймсквер, был готов и вовсе отказаться от празднований.

Не нужно было покупать эту квартиру, ставшую скорее обузой. Не стоило и думать, что я смогу очаровать женщину, у которой есть все на свете, одним лишь новым адресом. К середине января я стану бездомным, и виноват в этом буду сам. Вся ситуация была просто невыносимой... пока я не увидел у здания бежевый «Санбим» 1914 года выпуска со стоявшей рядом молодой леди.

– Мариус! – Голос Беллы точно луч света указал мне путь. Я был просто в восторге оттого, что вижу ее снова.

– Что случилось? – И голос мой звучал радостнее, чем за весь этот день.

Под сердитым взглядом ее негодующего шофера, смотревшего на нас из-за запотевшего стекла, Белла протянула мне карточку. Совершенно незнакомую. Она была напеча-

на на золотой бумаге, твердой, точно железная пластина, со словами: «Эверхэм-Холл».

– Один из моих друзей устраивает вечеринку тридцать первого декабря. Ты же приедешь на выходные, правда?

Я никогда особенно не любил канун Нового года, но, когда Белла коснулась губами моей щеки, ничто уже не могло заставить меня отказаться от приглашения.

– Конечно, приеду, Белла. Как я могу отказаться?

Глава 3

Как переменчив мир! Прежде меня ждала самая мрачная зима, а теперь я почувствовал прилив рождественского настроения – и вместе с ним прилив сил. В квартиру я вошел в прямом смысле танцуя и, освободившись от нависшей над головой темной тучи, заметил, что дом украсили к празднику. В холле у очага стояла елка, по всей квартире развесили зеленые веточки. Я не стал спрашивать, кто решил устроить эти небольшие перемены, а просто уселся перед огнем и принялся размышлять обо всех событиях этого дня, но тут сам ответственный за украшения вошел в комнату, напевая:

*Я учу песню на Рождество,
Чтобы спеть в рождественскую ночь.
Ох, как же там было, какие слова?
Вот и все, что я знаю пока⁷.*

Дядя Стэн был явно в голосе, и, к собственному удивлению, я решил к нему присоединиться:

*Ха-ха-ха, хи-хи-хи,
Надеюсь, запомню я песню точь-в-точь.*

⁷ Песня *I'm learning a song for Christmas*; написана Р. П. Уэстоном и Бертом Ли, исполнял Джек Плезантс, записана в 1917 году.

Но не успел я допеть, как в комнату вбежала мама с гармоникой.

*Ох и простушкой я покажусь,
Спев про коричневый кувиинчик на Рождество⁸.*

Мы все от души расхохотались, и дядя пошел за тетушкой Элли, которую ввез в комнату на кресле-каталке.

Мама обняла меня и разулыбалась:

– Кто этот человек и что он сделал с моим пониженным сыном?

Я поднял ее в воздух вместе с гармоникой и крепко обнял в ответ.

– Тот старый угрюмый ворчун исчез, мама! Его больше нет.

– Превосходные новости! – Мой розовощекий дядя закружил жену вокруг кресел. – И как раз к Рождеству!

Тетушка Элли весело захихикала. Вообще-то единственным, кто выглядел отнюдь не счастливым, был наш баскет-хаунд Перси Андерсон II, но дядя считал, что наш песик в принципе пребывает в унылом состоянии еще с тех пор, как мы купили его щенком. Малыш лежал в углу комнаты, опустив мордочку на пол и наблюдая за нами печальными карими глазами.

⁸ Другая «застольная» песня – *Little Brown Jug*, написана Джозефом Истберном Уиннером в 1869 году.

– Можно ли узнать, в чем причина таких перемен? – спросила тетя, которую устроили у камина.

– Можно, и я могу рассказать. – Укрыв мамин музыкальный инструмент, я устроил жуткую веселую какофонию. Трое дорогих старичков смотрели на меня в ожидании ответа, и я быстро уступил: – Ну хорошо. Сегодня утром я встретился с Берти, встреча прошла ужасно, но когда я лежал на улице на тротуаре...

Мама тут же начала суетиться, и имела на это право.

– Мой бедный мальчик, что с тобой? Ты ударился головой?

– Никогда не чувствовал себя лучше, моя дорогая милая мама! А теперь послушайте, что случилось дальше. Так вот, когда я лежал на обледеневших плитах и на мои просьбы о помощи не обращали внимания ни столичная полиция, ни финансовое сообщество Лондона, мне на помощь пришла прелестная молодая леди.

– Он влюбился! – хлопнув в ладоши, объявил дядя Стэн и в этот раз покружил жену вокруг наряженной елки. – Мальчик влюбился! Быть может, в следующем году в это время мы уже услышим топот маленьких ножек, эхом отражающийся от этих древних стен.

Как вы могли заметить, мой дядя явно был склонен к восторженным речам.

Подозреваю, что к этому моменту у тетушки уже кружилась голова, так как она подняла руку, прося мужа немного

притормозить.

– Мариус, расскажи, что произошло дальше! Ты узнал ее имя?

– Мне не нужно было спрашивать. – Кажется, я позволил себе хитрую улыбку. – Девушка, которая подняла меня на ноги, была не кто иная, как леди Изабелла Монтегю.

Радостных возгласов, которых я ожидал, не последовало, и неожиданно наш мрачный пес показался самым счастливым в комнате. Он склонил голову набок, глядя на меня, а другие тем временем высказывались вслух.

– Катастрофа! – завопил дядя Стэн, положив начало жалобам.

– А так хорошо Рождество начиналось, – высказалась мама. – Думаю, нам стоит до Нового года посидеть в своих комнатах во избежание других бедствий. – Ее седые кудри как будто слегка распрямились после этих новостей.

– Что вы такое говорите? – Я застыл на месте, наблюдая, как они нарезают восьмерки вокруг друг друга по ковру.

Дядя остановился и пробормотал:

– Мариус, что бы ни произошло между тобой и Беллой, это тебя сильно изменило. Мы не хотим, чтобы тебе пришлось проходить через что-то подобное снова.

– Да брось, Стэн. Я думал, что хотя бы ты порадуешься за меня.

Матушка сжала руки:

– Радоваться? Он хочет, чтобы мы радовались!

Из всех троих лишь та, с кем я не был связан кровным родством, чаще всего говорила самые разумные вещи, и я надеялся, что в этом вопросе тетя Элли займет мою сторону.

Она подъехала на кресле чуть ближе, а потом произнесла, как обычно, рассудительно:

– Мариус, ты должен беречь себя. Белла не виновата, что все свои мечты ты связал с ней, но смотри, к чему это тебя привело.

Я хотел сказать им, что все изменилось, что я добился успеха, но, к сожалению, они знали правду.

– В этот раз все будет по-другому, – ответил я. – Я больше не ребенок. И больше не стану так глупо спешить, как тогда. Буду действовать крайне осторожно, как убеленный сединами мудрец, которым я с тех пор стал.

И будто чтобы возразить мне, Перси запрокинул голову и в своей страдальческой манере испустил тревожащий слух вой, но зато дядя Стэн посветлел лицом.

– Больше ни слова об этом. – Он пригладил короткие седые волосы на затылке. – Все же канун Рождества, нам еще предстоит готовить ужин... как только закончим украшать обеденный зал.

Я бы возразил, но матушка уже начала выталкивать меня из комнаты, а дядя Стэн тянул с другой стороны. Он раньше работал пекарем, и руки у него стали как телеграфные столбы, так что сопротивляться было бесполезно. У матушки руки напоминали вязальные спицы, но у нее хватило сил

вытолкать меня, а тетя Элли ехала за нами следом.

И вероятно, это было неизбежно, но пока мы шли, Стэн снова начал петь:

*На тисовом дереве сел вдруг петух,
И курица квохчет на ветках,
Желаю веселого Рождества и каждый день – пирога!*

Должен сказать, живя с такими людьми, крайне сложно размышлять о следующем романе. В идеальном мире я бы заскочил в писательский кабинет Лондонской библиотеки по соседству и долго и упорно думал бы над своими неуверенными попытками написать второй роман. Вместо этого я провел день, нанизывая на нитку леденцовую карамель, чтобы потом развесить ее по комнате, затем резал морковь, пастернак, картошку – причем именно такими кусочками и именно такого размера, как того властно требовал громогласный и самоназначенный шеф-повар. Только принохиваясь на кухне к шедеврам, которые творил Стэн, Перси Андерсон II выглядел счастливым.

Тем вечером мы ужинали с размахом. Три блюда из морепродуктов для меня было слишком много, но я нашел место для жаркого с корочкой в медовом соусе. А после фирменного десерта Стэна, ромовой бабы, я чувствовал себя набитым плотнее, чем подушка, но как только убрали со стола, нам пришлось приниматься за готовку блюд на следующий день.

К тому моменту, когда я смог уйти в свою комнату, уже наступила полночь. Мои практически не существующие заметки рукописи «Проблеск кровавой луны» в беспорядке валялись на столе, но вместо того, чтобы в тысячный раз перечитать первую главу, я решил обратиться к последней важной детали. В этом году у меня не получится побаловать своих любимых пенсионеров подарками, которые они заслуживают, но я купил им то, что смог, и теперь прокрался по тихой квартире обратно в гостиную, где положил под елку много упакованные коробочки.

Оказавшись наконец в постели, с догорающей свечой, следующие полчаса я провел, до буквы изучая приглашение, которое передала мне Белла. Я проведу канун Нового года в доме некоего Сесиля Синклера... кем бы он ни был.

Глава 4

Должен признать, что рождественским утром я встал, чувствуя прилив воодушевления. И это было не просто радостное волнение от самого счастливого дня года или предвкушение подарков. Я проснулся с идеей для второй главы своей книги, что означало скорое спасение от нищеты. Сотни фунтов не хватит, чтобы унять судебных приставов, но я смог бы оплатить самые срочные счета и купить новый костюм. В следующую встречу с Беллой я уже буду выглядеть не как опустившийся бродяга, а как самый что ни на есть уважаемый джентльмен.

Конечно, это она вдохновила меня писать. Я всегда знал, как хотел начать книгу – укутанная в плащ фигура бежит по снегу навстречу судьбе в разрушающемся особняке, – но никак не мог придумать, как же связать эту захватывающую сцену с остальной частью истории.

И хватило одного лишь приглашения на золотистой карточке и случайной встречи с самой утонченной аристократкой Великобритании, чтобы я наконец увидел тропинку в дремучем лесу, по которому бродил месяцами.

Я поспешно набросал сцену, как двенадцать писем нашли своих адресатов по всей стране, описал реакцию, когда получатели открывали конверт с тиснением и приглашением, и закончил сомнением, получит ли письмо двенадцатый гость.

Довольный своей работой, я окликнул из окна девочку-посыльную, которая сидела на скамейке у Ост-Индского клуба⁹.

– Эй, девочка, как тебя зовут?

– Джейми, сэр. Чем могу служить? – Она казалась смышленной малышкой лет десяти, но говорила идеально вежливо.

Я протянул конверт из окна, и Джейми перебежала через дорогу к дому, потом по ступенькам и приблизилась к окну.

– Это надо доставить на Крессвелл-плейс, в Челси, дом двадцать два. Скажешь мистеру Прайс-Льюису, что я рассчитываю получить обещанные деньги завтра за ланчем, иначе не приду.

Она поморщила нос:

– А вы не думаете, что он рассердится, если я побеспокою его в Рождество, сэр?

Вблизи я заметил, что у Джейми с Сент-Джеймс-сквер ясные любопытные глаза и мудрый взгляд.

– Это вполне может оказаться его лучшим подарком на Рождество! – крикнул я ей вслед, потому что девочка уже побежала по улице. – Когда вернешься, дам тебе новенький флорин!¹⁰

Следующие несколько минут я надеялся, что встреча с Беллой полностью разблокировала ту часть моего мозга, ко-

⁹ Ост-Индский клуб – клуб для джентльменов, основанный в 1849 году и расположенный на Сент-Джеймс-сквер.

¹⁰ Флорин – серебряная монета, эквивалентна двум шиллингам.

торая отказывалась работать. Я напечатал слова «Глава три» на чистом листе бумаги и не сомневался, что за ними последует и все остальное. Но когда Мариусу Куину все давалось легко? Так что вместо слов мысли заполнил все тот же туман, что поселился там с тех пор, как я закончил последнюю книгу. У меня была смутная идея, что должно было случиться дальше, но, когда дело доходило до формирования слов и предложений, из которых должна строиться история, я застревал.

И вот, вместо того чтобы набирать тысячи слов, считая деньги, которые поступят на мой банковский счет и спасут мою семью от нужды, я начал клевать носом и вскоре заснул.

Но уже скоро дядя Стэн разбудил всех соседей громогласным исполнением песни «Вассейлинг»¹¹. Он ввалился в комнату вместе со своей музыкальной группой: у мамы в руках был аккордеон, тетя Элли пела, заезжая в комнату на кресле, а Перси выл в такт. Я бы хотел сказать, что обычно они так себя не ведут, но это было бы неправдой.

– Веселого Рождества, мой дорогой мальчик! – поздравила меня мама под продолжающийся музыкальный аккомпанемент. – Когда мы все вместе, нам всегда весело.

Мой отец говорил что-то очень похожее до своего исчезновения десять лет назад, и мне захотелось, чтобы он сейчас был с нами – я мечтал об этом почти каждое утро. Но в се-

¹¹ «Вассейлинг» (англ. Wassailing) – традиционная английская рождественская песня.

мье Куин подобное уныние не поощрялось, так что меня отвели на кухню наслаждаться завтраком из овсяных лепешек, яиц и сосисок, которые приготовил Стэн, пока все остальные спали.

Завтрак перешел в ланч, ланч – в обед, обед – в праздничный ужин, и рождественский вечер вскоре уступил место Дню святого Стефана¹². Я разделил весьма пышное и праздничное застолье с семьей моего дорогого издателя, и послание, которое я ему отправил, возымело нужный эффект. У Берти дома меня ждала не только сотня фунтов, но и изысканные блюда. Вообще каждый день той недели перетекал в другой, будто деликатесы, которыми мы наслаждались, имели власть над временем.

Между всеми празднествами и увеселениями я ездил к портному, дремал и проводил многие часы ночью и под утро в попытках написать следующую главу. Пока я тратил время на эти бесплодные попытки, я вспоминал наши с Беллой приключения, когда мы были детьми, и старался не слишком радоваться будущей встрече.

Днем тридцать первого декабря я стоял перед зеркалом, изучая свой наряд. Мой новый костюм-тройка был чернее черного, пуговицы на жилете отливали перламутром, как и запонки, и я не мог не думать, что покупка оказалась удачной. Темные кудри не мешало бы постричь, но в кои-то ве-

¹² Стефан Первомученик – почитается христианской церковью как святой. День поминовения в католицизме и западных церквях – 26 декабря.

ки они лежали красиво, и в итоге, свежевыбритый после рождественских праздников, я счел, что выгляжу настоящим франтом.

Когда я собрался уходить, моя семья уже стояла у дверей, провожая меня.

– Отец бы тобой гордился. – Дядя Стэн единственный из нас часто говорил о своем брате, и все же каждый такой раз поражал меня, как молния.

– Правда? – спросил я, будто такие простые слова были недоступны моему пониманию, если они касались моего пропавшего отца.

– Ну конечно. Ты отправляешься на роскошную вечеринку. Там будут знаменитые актеры и богатые дамы. – Он явно знал об этом больше меня.

– Разве?

– Ты не слышал про Сесиля Синклера? – удивилась мама, когда мое озадаченное выражение не изменилось.

– Нет. А ты?

– Он знаменитость, – сообщила она тем тоном, которым всегда поясняла что-то очень простое. Главный недостаток в жизни с мамой – то, что она все еще обращалась со мной точно так же, как когда у меня выпал последний молочный зуб. – Он играл в том фильме про потайную дверь и еще в том, что про пиратов.

– Ах да, – мягко поддразнил ее я. – Мои два любимых фильма: тот, что про потайную дверь, и тот, что про пиратов.

Тетушка Элли аккуратно развернула свое плетеное кресло и пристально на меня взглянула:

– Мариус, даже я слышала про Сесила Синклера, а я та еще развалина.

– В этом мы явно похожи. – Не зная, что еще сказать, я наклонился поцеловать ее в седую макушку с пучком.

Мама обняла меня, тетушка Элли помахала на прощание, а Стэн передал мне поводок Перси:

– Знаю, ты сможешь выгуливать его время от времени. Внимания много ему не нужно, а вот новые места до сих пор радуют.

– Стэн, я не планировал брать с собой собаку. Это модная вечеринка в загородном поместье, а не пикник в парке.

– Но ты же заметил, что ему в последнее время грустно. – Внушительная ладонь хлопнула меня по плечу, разворачивая к двери. Ай. – А смена места его подбодрит!

Я уставился вниз на своего любимого пса, который действительно выглядел крайне опечаленным из-за моего отъезда. Большие мешки под глазами вытянулись еще больше и как будто собрали два озерца слез. Я знал, что не устою перед его виноватым взглядом, и уже собирался вести своего нежданного спутника в приключениях к машине, но дядя Стэн неожиданно вышел с нами:

– И ты привезешь своей маме автограф Сесила Синклера, договорились? – Он оглянулся проверить, что нас никто не слышит. – Она никогда не попросит, но она обожает его

фильмы.

Учитывая, сколько они оба готовили вкусностей для меня, это самое малое, что я мог сделать.

– Сделаю все возможное, чтобы привезти матушке этот трофей.

– Вот и молодец. – Дядя Стэн ущипнул меня за щеку и обнял на прощание. – Счастливого Нового года, Мариус! – пожелал он уже своим обычным низким громким голосом. – В полночь мы будем думать о тебе.

И, напевая, вернулся обратно в дом, а я оказался перед закрытой дверью на морозе. Посмотрел на своего четвероногого спутника, который не выглядел ни капельки бодрее.

– Ну что, готов к безумному веселью на выходных, Перси? Надеюсь, ты взял с собой смокинг к ужину.

Перси ничего не ответил, но он же пес.

Глава 5

Моя сияющая ярко-красная «Инвикта» с двигателем в три литра – прекрасный зверь, я купил ее одновременно с квартирой.

Машину я выбрал прямо как мое нескромное жилище: роскошную, непрактичную и вдобавок обременившую меня внушительными долгами. Становиться успешным писателем в таком нежном возрасте опасно, потому что я уже был достаточно взрослым и мог тратить значительные суммы денег, но еще недостаточно умным, чтобы понять, что они скоро закончатся. Придется довольствоваться тем, что, если мы учимся на своих ошибках, я определенно был на пути к большой мудрости.

Я открыл пассажирскую дверь для Перси, и он с мрачным видом забрался внутрь, даже не сказав «спасибо». За последние дни выпало немного снега, но до сугробов было еще далеко. Деревья в центре площади были припорошены белой пылью, напоминая глазурь на рождественском торте. Все вокруг выглядело так очаровательно, что мне было даже немного жаль уезжать, но я завел мотор, и мы двинулись вперед по городу. Машин на дороге было мало. Большинство здравомыслящих людей остались в тепле, дома, встречать 1928 год со своими семьями. Только болваны вроде меня поехали бы неизвестно куда, встречать праздник с людьми, ко-

которые мне, скорее всего, не понравятся.

Эверхэм-холл находился в шестидесяти километрах к западу от Лондона, и к тому времени, как я покинул предместья города в Хаммерсмите и уже ехал между прекрасными зелеными парками в Ричмонде и Кью, небеса решили выпустить на землю несколько танкеров белого конфетти. Удивительно, как быстро может преобразиться мир. За первыми несколькими хлопьями последовали тысячи других, и вскоре все вокруг было покрыто снегом.

Это путешествие в мороз я начал с разговоров с Перси, но он по-прежнему ничего не отвечал, так что я стал молча наслаждаться пейзажем. Продолжалось это, правда, минуты две, а потом голову заполнили мысли о женщине, которую я ехал увидеть. Если я чего и добился с тех пор, как покинул свою деревушку в Хёртвуде, так это развил способность не думать о последней проведенной там ночи. Но встреча с Беллой это изменила, и пока опускались сумерки, я пережил каждый мучительный миг того вечера.

Не сомневаюсь, о чем-то вы уже догадались. Она была богата – дочь местного герцога, не меньше, а моя семья – нет. Отец был стряпчим, но из тех, кто сделает все возможное, чтобы помочь нуждающимся, и плату со своих клиентов он брал редко. То есть хотя мы время от времени и оказывались включены в круг общения семьи Монтегю, на самом деле нас там не должно было быть, учитывая состояние нашей одежды, а также тех, с кем работал мой отец.

Я влюбился в Беллу, когда мне было пять лет, но следующие тринадцать об этом не подозревал. Понимаю, звучит глупо: пятилетки не влюбляются. Но это только потому, что большинство из них никогда не встречали леди Изабеллу Монтегю. Я уже рассказывал, как она прекрасна, – фарфоровые волосы, блестящая кожа... то есть наоборот, и так далее и тому подобное, но именно ее дух и характер произвели на маленького Мариуса такое неизгладимое впечатление.

Ее родители никогда не возражали против моего присутствия в Хёртвуд-хаусе, великолепном особняке, которым их семья владела несколько веков.

Они будто бы не возражали, что я всюду следовал за их первенцем, как Перси за дядей Стэном по кухне. Все детство я был ее лучшим другом. Когда началась война, которая длилась так долго, что я превратился из сопливого подростка в почти взрослого мужчину, дружба переросла в нечто большее. И как только мы оба признали эти неожиданные изменения, меня отправили в казармы в Олдершоте для военной подготовки и последующей отправки на войну. Пока мои товарищи боролись со страхом смерти, ранений и плена в лагерях нашего тевтонского врага, меня сильнее всего страшила мысль никогда больше не увидеть Беллу.

За два дня между концом подготовки и отправкой нашего корабля в принудительное путешествие за границу я решил, что единственное, что должен сделать, – это попросить руки самой дорогой для меня и необыкновенной девушки.

Какой там Сесил Синклер! По дороге в Эверхэм-холл я смотрел фильм с Мариусом Куином в главной роли и с ведущей актрисой – Беллой Монтегю. Но по мере приближения к большому финалу, когда герой наконец получил шанс попросить любимую стать его женой, если ему повезет и он вернется с войны, проектор в голове замигал и остановился. Видите ли, это единственный момент в моей жизни, о котором я просто не могу заставить себя думать. Слишком мучительно, слишком болезненно вспоминать.

Когда война закончилась, я не вернулся домой, как собирался. Я оставался в армии так долго, как мог, потом жил в Париже и Берлине, чтобы отложить неминуемое. Я влюблялся в женщин, которые не были Беллой, в города, которые прежде и не мечтал посетить. Я окружал себя художниками и богемой в надежде, что их талант передастся и мне, но, когда я сел, собираясь написать что-то задорное и прекрасное, у меня вышел детектив.

Моему отцу они всегда нравились, так что все было логично.

В Великобританию я вернулся в двадцать пять лет, с неопубликованной рукописью и призраками прошлого, которых был намерен решительно игнорировать.

Как мы уже определили, собеседник из Перси был не очень, но лучше уж говорить с ним, чем предаваться несчастливым воспоминаниям о прошлом. Снег под колесами уже лежал плотным слоем, и мы с трудом пробирались через

Гэмпшир по направлению к Читлерн-Хиллс, пока я не свернул при знаке поворота на Эверхэм.

Аллея становилась все уже, но я успел проехать совсем немного и уперся во внушительные кованые ворота с изящным плетением и каменными фениксами на колоннах по обе стороны от них. Самого особняка было еще не видно, но вдоль подъездной дорожки стояло что-то вроде чаш с огнем, а все поместье окружала высокая стена. Я остановился, и страж у ворот в черной с золотом ливрее постучал в окно моей машины.

– Ваше имя, сэр? – спросил он таким тоном, который подразумевал, что, если мой ответ ему не понравится, у него есть полномочия избавиться от меня, как посчитает нужным.

Я чуть приоткрыл окно:

– Мариус Куин, меня пригласила...

– У вас есть с собой удостоверение личности? – ровным официальным тоном перебил меня он, и я не успел закончить.

Поискал под сиденьем свой бумажник. Пальцы онемели от холода, мне пришлось снять одну кожаную перчатку зубами, и только тогда я смог достать водительские права.

– Боюсь, пес свое удостоверение не взял. Но я могу поручиться за него.

Привратник не ответил. Он посмотрел на имя на карточке, затем в свой список, затем снова на меня, будто пытаюсь

понять, похож ли я на Мариуса. Наконец он вернул мои права через всю ту же щелочку в окне, но не сводил взгляда с бассет-хаунда.

– Он очень хорошо воспитан, – заверил я привратника. – Верно, Перси?

Перси ничего не сказал.

– Полагаю, я должен пропустить вас. – Страж счастливым явно не выглядел, но ворота все равно открыл и посторонился.

Ветви вязов, растущих вдоль подъездной дорожки, казались выкрашенными в белый чьей-то заботливой рукой. Они переплетались над нами, создавая туннель, сквозь который не пробиться было и свету. Проезжая мимо каждой чаши с огнем, мы въезжали в темноту, а затем снова из нее выныривали. Несмотря на аккуратно подстриженную живую изгородь, видневшуюся впереди, и ухоженную гравиевую дорожку под деревьями, на мгновение мне показалось, будто мы застрянем в этом кругу из огня и тьмы навсегда.

Наконец показался Эверхэм-холл, и мы вырвались из-под крон деревьев. Возможно, все дело в укрытых снегом садах, окружавших поместье, но мы будто попали в волшебную страну, а Эверхэм был ее замком. Я и раньше видел большие дома, еще роскошнее этого, но Эверхэм определенно стал самым странным из всех. Прежде всего он оказался несимметричным, с большущей башней с одной стороны и галерей пониже – с другой, которая при этом была истыкана высоки-

ми дымоходами.

По всему фасаду шли окна неправильной формы, а крыша мансарды виднелась за башней, точно часть парижского многоэтажного дома уронили где-то в английской глубинке. Объединяла это все лишь облицовка фасада – чередующиеся полосы камня и кирпича, и так как зимние цвета изменили все вокруг, сперва было сложно воспринимать здание как единое целое.

Я проехал по овальному внутреннему двору к парадному входу, над которым светил небольшой электрический фонарь – единственный признак жизни. Так что я уже сомневался, стоит ли выходить из машины – или лучше сдать назад и поехать обратно домой так быстро, как только смогу.

Когда на крыльцо выбежал лакей, чтобы сопроводить нас внутрь, я заглушил мотор. Холода лакей явно не боялся, хотя крупные хлопья снега выбелили его темную шевелюру, а вот про Перси такого сказать было нельзя.

– Мальчик, идем, – уговаривал я пса, пока слуга доставал мою сумку из багажного отсека. – Я уже чувствую, как у меня замерзают уши. Ты не мог бы поторопиться?

Перси на это предложение только повернул мордочку. В конце концов, когда я уже не мог больше ждать, я просто схватил его в охапку и поспешил внутрь. Даже во время этого короткого путешествия снег успел налипнуть на брюки и заморозить ноги, так что я с облегчением обнаружил прямо в холле ярко пылающий камин и приветствовавшего ме-

ня дворцового. К чему я не был готов, так это к решительно современному интерьеру в таком старинном здании. Вместо деревянных панелей и запаха пчелиного воска, который я ожидал, все оказалось затянуто черными с золотом обоями, везде стояла жесткая угловатая мебель, а в стенах подобно шрапнели торчали странные металлические скульптуры.

– Мистер Куин, я полагаю? – поинтересовался дворецкий средних лет. Как и у всех дворцовых, которых я встречал, у него был выпирающий живот и слегка высокомерное выражение лица. – Извольте следовать за мной, я покажу вам вашу комнату на эту ночь.

– Благодарю... – Я кашлянул, показывая, что хотел бы узнать его имя, но он, не обратив на это внимания, прошел к лестнице. Перси их никогда не любил, так что мне пришлось снова подхватить пса на руки, а лакей тем временем передал мой багаж коллеге в такой же ливрее, который последовал за нами на тактичном расстоянии.

Несмотря на все современные новшества в холле, некоторые традиционные особенности конструкции было невозможно скрыть. Перила большой спиральной лестницы были украшены богатой резьбой и старинными семейными гербами на каждом столбике, а обычную стойку перил заменяли высокие, изящные фигуры рыцарей и девушек. Над лестницей высилось круглое окно, которое выглядело так, будто его вырезали из ближайшей церкви и приклеили к зданию, открывая вид на тускло освещенные сады. Как и в случае с фа-

садом, внутри этого странного дома ничего похожего на единообразие тоже не было. Средневековые смешивалось с современностью, как викторианские картины, выставленные в рамах в стиле барокко.

Я мог только предположить, что свечи и газовые лампы в коридорах висели исключительно ради атмосферы, а не потому, что другого освещения не было. Мы дошли до длинного прямого коридора, проходящего сквозь дом, где на расстоянии нескольких метров друг от друга с больших канделябров лился свет – и воск. Возможно, среди слуг дома был человек, чьей единственной обязанностью было следить за состоянием этих канделябров. Их было так много, что к тому времени, как он зажигал последний, полагаю, уже приходилось идти и снова зажигать первый.

– Вот и ваша комната, мистер Куин, – с наклоном головы сообщил дворецкий в сером жилете. Он указал рукой на нужную дверь и, ничего больше не сказав, развернулся и двинулся прочь.

– Простите, – окликнул я его, когда тишина коридора стала оглушающей. – Но где все остальные?

Дворецкий остановился и так же медленно и методично, как мы шли сюда, повернулся обратно ко мне.

– Разумеется, в игровой комнате, сэр, – сообщил он, как будто это самое естественное место на свете.

– Разумеется, – эхом откликнулся я, не думая. – Спасибо за помощь.

– Всегда рад. – И дворецкий, снова развернувшись, отправился по своим делам, а у меня осталось четкое ощущение, что, по его мнению, я должен быть крайне благодарен за уделенное мне время.

Озадаченный примерно всем, что успело произойти за эти несколько минут, я наблюдал за уходом дворецкого, а лакей тем временем открыл дверь для Перси, чтобы он мог обнюхать все внутри. В выделенной мне на выходные комнате оказалась самая большая кровать с пологом, которую я когда-либо видел. На ней могла бы разместиться семья из восьмерых человек, и я забеспокоился, что могу потеряться там во сне. Обстановка комнаты выглядела такой же старомодной, как и в коридоре: на каждой стене висело несколько небольших набросков, на вид нарисованных в эпоху Средневековья.

– Ну, что скажешь? – спросил я Перси, но лакей вполне объяснимо решил, что я обращаюсь к нему.

– Это одна из самых красивых комнат на этаже, сэр. – Что-то в его голосе намекало, что, хотя он сказал правду, в доме были места и повнушительнее. Он поставил мою сумку на низкий столик между двумя окнами, поклонился и поспешно вышел, пока я не задал еще глупых вопросов.

Тем временем Перси занял свое место на мягком пуфике у изножья кровати. На вид пуфик едва ли мог выдержать его вес, и голова, лапы и хвост пса свешивались по обе стороны, но, судя по всему, Перси понравилось.

– Не думаю, что я когда-либо оказывался в таком любопытном доме, – сказал я ему, а пес в ответ закрыл глаза и уснул.

Я сел на гигантскую кровать и вздохнул:

– Надеюсь, другие гости будут разговорчивее тебя, старичок.

Глава 6

Поскольку мой лучший костюм и так уже был на мне, быстро освежившись, я решил поискать в доме компанию поживее, чем Перси. И пока вновь шел по коридору, размышлял, какие древние духи тоже бродили по этому необычному месту. Между узкими окнами с закругленными арками я заметил тот же герб, что был и на перилах. На нем были изображены два переплетенных феникса и слово «Корнуоллис» внизу. Я решил, что это фамилия семьи, которая изначально владела Эверхэм-холлом, и по дороге гадал, как такой величественный особняк оказался в руках вульгарной кинозвезды.

Чем больше я осматривался, тем чаще замечал герб. Он был и на витражных окнах, и на дверях в разные спальни и, возможно, больше всего бросался в глаза на декоративных щитах, которые размещались между старинными портретами на стенах вдоль коридора. Любопытно, что их не выбросили во время ремонта.

К счастью, в Эверхэм-холле все же оказалось что-то интересное и кроме внутренних украшений. К тому моменту, как я спустился в главный холл внизу, прибыли еще двое гостей.

– Здорово, новый друг! – У подножия лестницы стоял мужчина с аккуратно уложенными волосами, в пальто из верблюжьей шерсти и с шелковым шарфом. – Я Антон Ка-

вендиш, а это моя жена Альма. — Он быстро подошел ко мне, взял за руку и энергично потряс. — А вы у нас?..

— Мариус Куин. Давний приятель Беллы.

— А, так это вы писатель. — Он все еще тряс мою руку, которая уже начала болеть. — Я слышал, ваша книга действительно хороша. В самом деле, высший класс. Надо нам обсудить, как сделать из нее фильм.

Изящная, но явно волевая женщина рядом с ним покачала головой и неодобрительно поцокала языком:

— Антон, ты серьезно? Мы только зашли, а ты уже говоришь о делах. Можем хотя бы сначала встретиться с остальными, пока вечер не превратился в смертельную скуку?

Он уронил сумки на пол, бросил пальто раздраженному дворецкому и упал на одно колено:

— Моя милая, добрая, великодушная супруга, простишь ли ты меня когда-нибудь?

Она долго сердиться не могла и прыснула со смеху, поднимая мужа на ноги:

— Вставай, балбес. — А потом повернулась ко мне: — Приятно познакомиться, Мариус. Не сомневаюсь, уже скоро Антон посадит вас корпеть над сценарием.

Они сразу вызывали симпатию, и мне пришлось прикусить язык, чтобы не признаться, как пригодилась бы мне оплата за какой-нибудь сценарий. Возможно почувствовав мое смятение, Антон решил мне помочь. Он обхватил меня за плечи и повел через дом, болтая о своей работе в качестве

режиссера и о своей главной звезде, мисс Альме Кавендиш собственной персоной.

– Она работала в отделе дамских шляп в «Селфриджс», а я сразу понял, что встретил кого-то особенного. В отличие от нее, я влюбился с первого взгляда.

– Не верьте ни единому слову этого человека, Мариус, – заметила актриса. – Если, конечно, не хотите стать режиссером – в таком случае делайте все возможное, чтобы перенять этот дар болтливости.

– Можете не беспокоиться, – сказал я. – Я пробовал себя в театральной режиссуре, и оказалось, что это не мое. На самом деле я был так занят с тех пор, как опубликовал свою первую книгу, что вот уже несколько лет не бывал в кино.

– Работали не покладая рук, без сомнения, – хихикнул муж Альмы. – Но я вас не виню. Фильмы – это средство для художников, которые хотят рассказывать истории простачкам. А вот вы, авторы, – настоящие творцы.

Не желая переубеждать его, чтобы все же получить работу, я не знал, как на это ответить. К счастью, в этот момент мы дошли, и Альма открыла дверь в роскошный салон, где несколько других гостей уже играли в дартс.

– Ты здесь! – воскликнула Белла из-за бильярдного стола.

Не могу описать ощущение, когда она бросилась ко мне через комнату. И едва ли я когда-либо чувствовал себя настолько достойным такой реакции. К сожалению, длилось это чувство недолго.

– Альма, мы не виделись целую вечность! – сказала моя старинная подруга, обнимая женщину рядом со мной. Антону досталось по поцелую в каждую щеку, а мне Белла лишь улыбнулась. Очевидно, не посчитала нужным проявлять какие-либо поверхностные знаки привязанности к мужчине, которого знала дольше остальных. По крайней мере, именно так я сказал себе, и в качестве подтверждения Белла весьма оживленно представила меня остальным:

– Позвольте представить, это Мариус. Мы дружим с детских лет в Хёртвуде. Конечно, вернувшись с войны, Мариус покинул нашу глушь ради ярких огней Лондона. – Помедлив, она раскрыла последний важный нюанс: – Он пишет детективы.

– Куин! – воскликнул молодой человек, который держал три дротика в одной руке. – Вы – Мариус Куин!

– Совершенно верно. – Я, наверное, должен был покраснеть или сделать вид, что смутился из-за того, что меня узнали, но я не привык к такому вниманию и просто смотрел на него, когда этот тип с землистым цветом лица в дешевом костюме бросился ко мне.

– Мне понравилась ваша книга «Убийца за кулисами», это просто-напросто лучший детектив, что я читал за годы! – Мужчина жизнерадостно хлопнул меня по плечу – к счастью, пустой рукой. Даже я подумал, что он зашел слишком далеко с похвалой, но он еще не закончил: – Последняя сцена, где убийцей оказывается...

– Это Карл Уилсон, – перебила его Белла слегка извиняющимся тоном.

Как я мог не обожать ее после того, как она остановила его, не дав закончить предложение в комнате, полной потенциальных читателей?

– Он коллега Гилберта.

Не успел я спросить, кто такой Гилберт, как Уилсон усадил меня в кресло и в течение следующих тридцати минут расспрашивал меня о том, как проходит писательский процесс. Ему было чуть больше двадцати, и он оказался из тех людей, которые никогда не задумываются, что тема обсуждения может быть вам неинтересна. В нем ощущалась странная напряженность, и его глубокие карие глаза постоянно двигались. Еще с ним было довольно скучно, и дорогая Белла поглядывала на меня через комнату, сочувствуя моему положению.

Пока Уилсон болтал, у меня появилась возможность рассмотреть других гостей вечеринки. Я почему-то предположил, что, раз Белла с такой легкостью добавила меня в список приглашенных, мероприятие намечалось большое, но теперь я видел, что намечалась скорее камерная встреча. В дополнение к яркой парочке, с которой я уже познакомился, там была женщина, которая как будто не могла стоять на месте, в блестящем красном платье с вышивкой и с помадой в тон. Если она не танцевала, то играла в дартс или висла на шее Антона или Альмы, а потом переходила к Белле и сно-

ва по кругу. О ней я не узнал практически ничего, так как Уилсон не просто болтал, а болтал ужасно громко. Все, что я услышал, так это что ее зовут Поппи, и у меня сложилось четкое впечатление, что никому она не нравится.

Последнего гостя я заметил в дальнем углу комнаты, он говорил по телефону. Примерно моего возраста (мне исполнилось двадцать восемь – уточняю для тех, кто придает таким деталям большое значение). Несмотря на деловой костюм, было в нем что-то спортивное. Широкие плечи, мускулы – очень похож на мальчишек из моего детства, кто мог говорить только о регби, крикете и футболе. Из-за шумной болтовни Уилсона я не мог расслышать, что он говорит, хотя, судя по серьезному выражению лица, беседа ему удовольствия не приносила. Поначалу я подумал, что это и есть наш хозяин, но, когда дверь распахнулась, судя по всему, по собственной воле, я осознал свою ошибку.

– Дамы и господа... – В дверях никого не было. Просто темное пространство, за которым должен был находиться говоривший. – А вот и человек, которого вы все до смерти хотели увидеть. Сесил Синклер!

И вошел один из тех похожих на испанцев парней, которые появлялись почти в каждом фильме с тех пор, как Рудольф Валентино впервые украсил собой экран. Он взмахнул руками, и коктейли, которые он держал в каждой руке, красной жидкостью выплеснулись прямо на ковер.

– Сесил, выпендрожник, – отчитала его Альма, и я точно

понял, какая у нее была роль в компании друзей.

– Счастливого Рождества, старина! – присвистнув, воскликнул Антон.

– Для этого уже поздно. – Сесил отпил сначала из одного бокала, затем из другого, хотя содержимое выглядело одинаково. – Меня интересует лишь наступающий год. И какой год!

К нему подошла Поппи, и они занялись поистине ужасающей демонстрацией физической привязанности. Парочка слилась в сплошные ноги и губы и издавала такие звуки, будто кто-то пытался запихнуть кошку в сливное отверстие. Мне на это смотреть не нравилось, но я чувствовал, что необходимо разглядеть человека, который собрал нас всех вместе. Эксцентричным было не только его театральное появление. Сесил Синклер был одет в красный бархатный костюм с шейным платком с цветочным орнаментом и выглядел совсем не как все знакомые мне мужчины – и к тому же носил бриллиантовые гвоздики в обоих ушах. Экстравагантность ему явно была не чужда, и даже в его кожаные «оксфорды» были вставлены драгоценные камни в тон.

– На что ты так уставился?! – завизжал он, когда наконец оторвался от своей возлюбленной. И я был рад, что объектом его гнева оказался не я, а бедный скучный Карл Уилсон, который явно мечтал провалиться сквозь землю.

– Простите... Я просто ваш большой фанат, мистер Синклер. Честное слово.

– Сесил, еще так рано, а ты уже пьян, – начала распекать его Белла. – Постарайся вести себя вежливо, иначе я заберу своих друзей и уеду.

Кинозвезда растерял развязный вид и нацепил унылую гримасу, с которой и обратился к юному поклоннику:

– Раз ты фанат, могу простить, что ты так паялился, но постарайся не допускать этого впредь. – Голос у него был довольно пронзительный, так что хорошо, что для карьеры в немых фильмах он не требовался.

– Конечно, мистер Синклер. – Уилсон был прирожденным подхалимом и опустил голову.

Сесил оглядел комнату в поисках чего-либо, что могло бы его заинтересовать. У него был взгляд охотника, и скоро он остановился на мужчине с телефоном.

– Гилберт! Ты уже успел разозлить меня на Рождество. Можешь уже оставить свои дела и присоединиться к нашей компании?

– Так его, дорогой, – подбадривала его Поппи, и когда Гилберт продолжил говорить по телефону, Сесил действительно вышел из себя:

– Ради всего языческого! Ты мог бы повесить трубку и подойти сюда?

Что бы этот мужчина ни делал, все получалось театрально. Из вежливости я бы дал ему около тридцати, но, присмотревшись получше, понял, что морщины вокруг глаз скрывал слой косметики.

– Никто никогда не воспринимает мои вечеринки всерьез.
– Он четко проговаривал каждое слово, с паузами, чтобы убедиться, что все, что он говорит, оказывает максимальное воздействие. Было очевидно, что он хотел нашего внимания – к себе, и только к себе. Чего я не мог понять, так это почему моя дорогая умная Белла хотела иметь что-то общее с таким человеком.

– Буду через минуту, – откликнулся Гилберт, прикрыв часть телефонной трубки с микрофоном рукой, но этой уступки было недостаточно великолепному Сесилу Синклеру.

– Закончишь прямо сейчас. – Бросив один из опустевших бокалов, который отскочил от ковра так, что ножка сломалась пополам, об пол, актер в мгновение ока пересек комнату, а его рука дернулась вверх и прервала связь.

– Ты свинья! – воскликнул Гилберт. – Это был важный звонок! У тебя нет никаких прав...

Синклер уже развернулся на каблуках и вернулся к своей спутнице.

– Это моя вечеринка, мой дом, и вы – мои гости. Я могу делать что захочу. – Сесил говорил как избалованный ребенок, который сидит в своем ярко раскрашенном дворце. Он определенно был избалован – только малолетства не хватало.

По сдержанной реакции Беллы я понял, что такое поведение было не в новинку. Я думал, что та храбрая девушка, которую я знал, положит конец такому отвратительному по-

ведению. Время явно повлияло на нас обоих, но она изменилась сильнее, чем я ожидал.

В конце концов режиссеру Антону Кавендишу пришлось удерживать Гилберта, чтобы тот не дал актеру по лицу.

– Какая сцена! – Он одобрительно хлопнул в ладоши. – Знаешь, Сесил, придется найти тебе роль злодея в одной из картин. Ты так убедителен! – Его красноречивые комплименты определенно оказывали на пьяную кинозвезду больше влияния, чем любая попытка осуждения. – Ну правда, ты устроил нам настоящее представление.

Синклер закатил глаза так, что они исчезли под бровями.

– Делаю все, что в моих силах.

Он рухнул на черный кожаный диван и с веселым гиканьем усадил Поппи себе на колени.

Я посмотрел на парня в костюме в тонкую полоску, который все еще не сводил глаз с телефона, будто мог заставить оператора снова соединить его с собеседником. Белла, судя по всему не зная, как отреагировать на произошедшее, держалась неподалеку. Было что-то ужасно нерешительное в ее поведении, и я не мог не думать, как сказались на ней те годы, что мы провели порознь.

Пока Синклер с Поппи миловались на диване, в комнате вновь воцарилось относительное спокойствие, но как будто никто не почувствовал облегчения по этому поводу. Альма держалась за бильярдный стол, словно боялась, что он может неожиданно улететь. Даже трусливый Карл Уилсон, который,

судя по всему, прежде не встречался с этим бескультурным актером, был напуган оказанным приемом.

Белла подошла к моему креслу и заговорила так тихо, что я едва мог различить слова за звуками страстных поцелуев:

– Сесил не всегда такой. В трезвом состоянии он может быть вполне милым.

Я обернулся к ней, но Белла не хотела смотреть мне в глаза, вместо этого глядя на падающий за окном снег.

– А на что ты рассчитывала? Что ему делать в канун Нового года, если не пить? – так же тихо спросил я, чтобы услышала только она.

Белла не ответила, и я снова задался вопросом, как все эти люди оказались в Эверхэм-холле.

– Вы, должно быть, Мариус. – Гилберт сдался, оставил телефон и широкими шагами пересек комнату. – Храбрый и благородный Мариус Куин, который пропал на континенте и наконец снова появился. – Он коротко рассмеялся, и этот смех окатил меня, точно холодный душ зимним утром. – Не беспокойся, приятель. Белла мне твои секреты почти не рассказывала. Постараюсь не ревновать, если и ты так поступишь.

То, что он знал обо мне так много, застало меня врасплох, и к тому, что последовало дальше, я оказался совершенно не готов. Пройдя мимо моего кресла, он обнял женщину, которая очевидно превосходила его во всем, так что я раздумывал, не отрезать ли ему руку одним из тех охотничьих ножей,

которые висели на стене между окнами.

– Это мой... – начала Белла, пытаясь объяснить, – это Гилберт Бэйнс. Кажется, я упоминала о нем на прошлой неделе?

Она определенно не упоминала о своем чрезмерно накачанном бойфренде, иначе я ни за что бы не принял приглашение на вечеринку. Повезло, что я окоченел, точно мертвый кролик, иначе мог бы прямо так и ответить.

– Приятно познакомиться, – продолжил Бэйнс. У него был гнусавый голос, а лицо выглядело так, будто по нему прошли утюгом. Мне не понравилось в нем ровным счетом ничего, а я знал его меньше минуты.

И как же я попался в такую мерзкую ловушку, спрашивал я себя. Приехал в дом с привидениями в канун Нового года, в компанию людей, которые, очевидно, друг другу не нравились, к двойнику женщины, которую я когда-то любил. Сложно представить, что еще могло пойти не так, но после знакомства с Гилбертом нервозная тишина стала еще хуже.

В итоге прервал ее Сесил Синклер:

– И чего вы все такие несчастные? Сейчас же праздник!

На стене у дивана была кнопка, и вскоре после того, как хозяин дома нажал ее раз пять, надутый дворецкий вкатил в комнату тележку.

Франтоватый, хоть и вызывающий отвращение актер-любитель поднялся и схватил бутылку коньяка.

– Мы должны пить, танцевать и веселиться!

– Ты обещал, что будешь хорошо себя вести, старина. –

Осуждающий тон Антона никакого эффекта не произвел, но мужчина не сдавался: – Ты уверен, что это хорошая идея?

Сесил вытащил пробку зубами и выплюнул в другой конец комнаты.

– Нет, не хорошая. Это отличная идея!

Он опрокинул бутылку в рот, а потом, когда уже не мог больше пить, вытер губы вельветовым рукавом и упал на ковер лицом вниз.

Глава 7

К большому разочарованию большинства, Сесила Синклера не отравили. Поппи проверила, что он все еще дышит, а потом визгливо рассмеялась, отчего задрожали бильярдные шары.

– Он говорил, что сегодня будет весело, и я намерена ку-тить!

Она хлопнула в ладоши и отправилась за бокалом вина. Мне показалось странным, что дворецкий не остался разливать напитки, но, возможно, наш выведенный из строя хозяин ценил приватность.

И как будто в доме собралось недостаточно раздражительных гостей, прибыли еще несколько – и как раз стали свидетелями фокуса Сесила с перемещением на ковер.

– Вижу, мой сын, как всегда, на высоте. – Высокий осанистый мужчина лет шестидесяти подошел и толкнул актера носком подбитого гвоздями ботинка. – Ты был таким оболстителем. А теперь посмотри на себя!

Женщина, явно гораздо моложе мужчины, в простом кремовом платье, замерла в дверном проеме, будто боясь зайти в комнату. Мужчина, который являлся – и великим детективом для этого быть не нужно – отцом Сесила, одним плавным движением поднял сына на ноги. У Сесила не было ни сил, ни желания стоять, так что вскоре его вновь поместили

на софу.

– Я Эдит Хэвлок. – Девушка была изящным боязливым созданием, которое определенно не вписывалось в обстановку – это стало ясно, когда она наконец переступила порог. Она обошла всех, представилась, повторяя свое имя каждому из нас на случай, если его не услышали.

– Я Карл Уилсон, – представился младший среди приехавших гостей, широко раскрыв глаза при виде очаровательной сильфиды. – Работаю в банке с...

– Я Поппи, – перебила его яркая и дерзкая любовница Сесила без намека на улыбку. – Просто Поппи. Это мой сценический псевдоним.

– Вы тоже снимаетесь в фильмах? – спросило неземное создание.

– Скоро буду. Сесил говорит, что я могу стать лучшей актрисой своего поколения.

– Ну а я была секретаршей, – с такой нерешительностью проговорила Эдит, будто ей с трудом удавалось выдавливать слова. – Пока не встретила Росса.

Присутствием этой хрупкой молодой девушки больше всего был взволнован Уилсон, и я мог только предположить, что он не понял ее статуса здесь. Я не мог его винить. Между отцом Сесила и его красивой спутницей было лет сорок разницы. Если бы я не наблюдал за своими собратьями с таким интересом, то мог бы принять ее за его дочь. В том, что я сидел далеко от этой группы оригиналов, был большой плюс: я

мог следить за всеми, а они на меня особого внимания не обращали. Еще до того, как я стал писателем, мне всегда нравилось изучать окружающих, и сейчас меня поразило то, что отец Сесила и мисс Эдит Хэвлок определенно были возлюбленными.

Мне встречались такие пары раньше, но эта была самой необычной. Он не был похож на тех грациозных общительных типов, которые иногда привлекают молодых поклонниц. Манеры его были грубоваты, он мог похвастаться бородой рыбака и носом-картошкой цвета хорошего бургундского вина.

В конце концов представить его самого пришлось Белле.
– Это отец Сесила, Росс Синклер.

Синклер-старший быстро взглянул на нее, а потом вновь навис над своим опьяневшим сыном. Только грубияна с резким голосом нам на этой вечеринке и не хватало. Еще несколько минут назад я планировал забрать собаку и уехать в метель, но теперь мысль о фейерверках, которые наверняка уже скоро начнутся, начала меня греть.

Альма, очевидно, была мудрее большинства собравшихся, и, когда она подошла к пожилому мужчине поговорить, я наконец кое-что понял об этом разношерстном собрании.

– Мы приехали сегодня только потому, что Сесил сказал, что бросил пить.

– Поклялся, что это уже позади, – добавил Антон, подходя и обнимая жену за талию, так что теперь плачевное состо-

ание лежащего актера изучал уже ряд зрителей. Я заметил, что от его прикосновения Альма слегка дернулась.

– Неужели опять? – спросил Росс Синклер, не сводя глаз с сына.

– Очередная выпивка, я полагаю, – ответил Антон, рассеянно поглаживая талию жены. – Он почти сорвал последние съемки, над которыми мы работали вместе. Мне пришлось использовать дублеров и снимать их со спины, когда Сесил не мог прийти на съемочную площадку.

Печальные воспоминания были прерваны грубым хохотом Поппи.

– Ах, какие же вы зануды! Сесил просто захотел немного развлечься. В этом нет ничего плохого, тем более сегодня.

Росс неприязненно посмотрел на девушку и знаком показал Антону, что ему нужна помощь – перенести Сесила куда-нибудь в более уединенную обстановку.

Они уже собирались поднять спящего, когда снаружи раздалось несколько громких хлопков подряд. Эдит Хэвлок подпрыгивала от каждого, а Белла побежала к окну, полюбоваться видом.

Яркие разноцветные взрывы расцвели небо. Ближайший город, должно быть, решил воспользоваться перерывом в плохой погоде и насладиться ночным огненным шоу. Снег создал белый экран для проекции, и внутренний двор Эверхэм-холла окрасился в красные, желтые, зеленые и синие цвета, которые смешались, оживляя пепельно-серый пейзаж.

Зрелище было впечатляющим, и через несколько секунд все гости подошли к окнам полюбоваться.

– Как прекрасно, – сказал Уилсон своим странно осторожным тоном.

Гилберт стоял рядом со мной, нарочито крепко прижимая Беллу к себе, тем самым опровергая свое же утверждение, что не хотел вызывать у меня ревность. Этот краткий момент их единения усилил ощущение пропасти между нами. Когда небо снова потемнело, вернулось и прежнее тревожное напряжение.

– Поможете мне его поднять? – спросил Росс Синклер режиссера.

После пары мгновений в задумчивой тишине Антон кивнул, и мужчины подхватили Сесила под руки. Его голова качнулась, на губах появилась слабая улыбка, но он не пошевелился.

– Не уходи без меня! – крикнула Эдит своему возлюбленному, будто только он мог ее защитить.

Она бросилась вслед за мужчинами, и вместе они покинули комнату. Оставшиеся гости переглянулись: было принято решение разойтись.

– Я переоденусь к ужину, – заявила Альма, и вслед за ней заторопились и остальные.

– Я пойду в кабинет, мне надо позвонить, – сказал Гилберт Белле, а Поппи выплыла из комнаты без объяснений.

Остались только Белла, Карл Уилсон и я. Я надеялся, что

он уйдет вместе с остальными и я наконец смогу расспросить подругу о том, что же она забыла здесь с этими людьми, но Уилсон был не из тех, кто понимает намеки.

– Белла, может, пойдем прогуляемся? – предложил я, не сводя глаз с нашего нежеланного спутника.

– О, я останусь, спасибо, – пронзительно рассмеялся Уилсон. – Надо книгу дочитать, до ужина еще много времени. – Он снова устроился в своем кресле, а я поразился, как кто-то может настолько не замечать царящих в комнате настроений.

– Конечно, – ответила Белла тем же нервным голосом, который, судя по всему, стал для нее привычным в эти дни. Она взяла со спинки одного из стульев шелковое кимоно с длинными рукавами и прошла вперед, в коридор.

– Нам не обязательно далеко идти, – сказал я, а она тем временем уже открыла дверь в следующую комнату, и мы оказались в большой просторной гостиной с необычным сочетанием мебели в стиле королевы Анны и очень современных произведений искусства. Я заметил яркие краски Сезанна и то, что я принял за работу Метценже. И наконец смог задать важный вопрос, который до сих пор вертелся на задворках памяти.

– Как Сесил Синклер смог себе позволить такое место? – спросил я, пока Белла плотно закрывала дверь, а потом встала, прижав к ней руки. – Хотя нет, сначала скажи мне, почему ты вообще решила, что мне будет приятно сегодня

сюда приехать. Я подумал, что ты оказываешь мне услугу, представляя меня людям, которые могут поспособствовать моей карьере, или что ты просто хотела удостовериться, что я не сижу дома взаперти. Но дело не в этом, так?

Одним быстрым движением Белла повернулась ко мне:

– Признаюсь, я рада, что ты здесь, Мариус. – Она подошла к огромным окнам, выходящим в белый сад. – Гилберт уже какое-то время работает советником Сесила. Помогает ему с финансами. Но недавно появились проблемы.

– А, так твой приятель здесь охраняет его инвестиции. – Я не мог просто стоять на месте, поэтому пересек гостиную, дойдя до шкафа с напитками, где стоял хрустальный графин с... чем-то более-менее пригодным для питья. – Спасибо большое, что приплела сюда и меня.

– Прости, я должна была тебе все рассказать заранее. Но я не смогла бы вынести этот вечер без тебя.

– Белла, это не объяснение. У тебя, похоже, и так много друзей.

Она прикусила губу, и мне показалось, что надави она чуть сильнее – и пошла бы кровь.

– Я сказала, что сожалею, Мариус. Мне жаль, что я не поделилась с тобой своими опасениями по поводу этого вечера. И мне жаль, что я сказала человеку, которого люблю, кто ты. – Белла на мгновение замолчала, возможно, чтобы дать мне время немного умереть от ее слов. – И да, мне жаль, что Гилберт вел себя так, как вел. Я поговорю с ним об этом, как

только смогу, но это неудивительно, учитывая, кем мы были друг для друга.

Я схватил свой бокал и сделал глоток, но мысленно кричал: «А кем мы были друг для друга?!»

Видя, что я не отвечаю, она продолжила:

– Что бы он ни говорил, Гилберт ревнует. Он беспокоится, что не сможет соперничать с прошлым. Но он хороший человек, и если ты найдешь время и познакомишься с ним поближе, то, уверена, ты это увидишь.

Я посмотрел Белле в глаза, и в этот момент мне захотелось сказать ей все. Хотелось извиниться за то, что я сделал, упасть на колени, объяснить, что большую часть последнего десятилетия я пытался стать мужчиной, которого она заслуживает. Но вместо этого я с прежним непреклонным выражением сказал:

– Ты совершенно ясно дала понять, что ему не о чем беспокоиться. И после этого вечера ему не придется терпеть мое присутствие в твоей жизни.

Белла ахнула, и мне оставалось лишь надеяться, что ее встревожила не только жестокость моих слов, но и мысль о том, что она никогда меня больше не увидит.

– Я ведь только нашла тебя... – прошептала Белла, а потом оглядела комнату, пытаясь найти что-то, что могло бы меня удержать. – Ты спрашивал про Сесила, – сказала она, поспешно и даже отчаянно бросившись к Сезанну. Ее золотистое платье поблескивало при ходьбе, а обнаженная ру-

ка метнулась вперед, обводя роскошь вокруг. — Он купил это место не благодаря своей актерской игре. Сесил женился на богатой вдове, которая вскоре умерла и оставила ему все свое состояние. Он купил Эверхэм-холл у какой-то древней семьи, которая цеплялась за поместье как за последний признак своего бывшего богатства. Я пригласила тебя сюда не просто потому, что мне нужна была поддержка старого друга. Я подумала, что этот дом поможет ослабить винтики у тебя в голове. И возможно, даст вдохновение для новой книги.

Не успел я солгать, что мне не нужна ничья помощь в написании детективов, как мы услышали три коротких удара. Похоже, удивление отразилось на моем лице, потому что Белла подошла проверить, все ли со мной в порядке.

— Это просто новые фейерверки, — сказала она.

— Прислушайся. — Я поднес руку к уху, возможно излишне театрально, но показал, что имел в виду. — Больше ничего. Тишина. Это не фейерверки. Они закончились, а если детишки из деревни решили бы поиграть с ними, звук бы не звучал как будто изнутри дома.

Я выбежал из салона в коридор, Белла шла следом за мной. Мы заглянули в игровую комнату, но Уилсон был поглощен книгой и, судя по всему, ничего не слышал.

— Куда ты идешь? — спросила Белла. Я ответа не знал, но шел на слух.

— Выстрелы прозвучали как будто из передней части дома. Там, как я полагаю, башня?

– Выстрелы? – Белла всегда быстро схватывала. – Как ты можешь знать наверняка, что это они?

– Я бы сказал, это очевидно, учитывая то, где меня застал 1918 год.

Мы вошли в холл, и я собирался подняться по лестнице, но Белла остановила меня, схватив за руку.

– Не туда. Башня там. – Она провела меня к двери у другой стороны гостиной.

– Ты там уже была, получается? – Я все пытался понять, почему она решила проводить время с такими людьми.

– Конечно. С тех пор как мы подружились с Сесилом, мне нравилось приходить сюда, чтобы немного отдохнуть от забот об отце. Хотя после событий этого вечера может казаться по-другому, но Сесил действительно бывает любезным хозяином, когда постарается.

За неприметной дверью оказалась узкая лестница, ведущая на первый уровень башни. Мы вошли в большую гардеробную, которая выглядела куда менее обихоженной, чем остальная часть дома. На кожаном диване «Честерфилд» валялись груды одежды, а обширную коллекцию обуви Сесила как будто просто вывалили на пол.

Белла пересекла тускло освещенную комнату, прошла к винтовой лестнице в другом углу и стала подниматься. Ее крик я услышал еще до того, как поднялся сам. Этот опустошенный дрожащий звук как крюком дернул меня вверх по лестнице.

Когда я оказался в ярко обставленной спальне Сесила Синклера, Белла повернулась ко мне. Горе на ее лице сказало мне все, что требовалось, но я бросился мимо, чтобы увидеть все самому.

Яркая звезда фильмов «Дверь без ключа» и «Плач злого моряка» выглядел умиротворенным – впервые с нашей встречи. Полагаю, три пули в лоб сделают это с любым человеком.

Глава 8

Возможно, виной всему болезненное любопытство, присущее всем писателям детективов, но я не мог устоять перед соблазном и подошел поближе, осмотреть тело. Конечно, я недооценил свои нервы: мне внезапно снова стало восемнадцать и я смотрел на безжизненное тело своего капитана, который получил пулю от немецкого снайпера. Я снова оказался в окопах, с запахом грязи, крыс и смерти. Я чувствовал тот же осязаемый страх, и горло точно так же жгло ужасом и скорбью.

Белла вскрикнула, и я вернулся обратно в Эверхэм. Я обнял ее, но сам не мог отвести взгляда от Сесила. Он лежал на спине. Его глаза были закрыты, а вокруг пулевых отверстий виднелись черные отметины, указывающие на то, что в него стреляли с близкого расстояния. Думаю, хватило бы и одной пули, и первый вывод из этого – убийца должен был по-настоящему ненавидеть экстравагантного актера. Конечно, то, что его застрелили, с самого начала это и демонстрировало.

Орудие убийства долго искать не пришлось. Оно аккуратно лежало рядом, поверх старой фотографии на атласных простынях. Это был небольшой пистолет с инкрустированной перламутром рукояткой и серебряным стволом. Идеальный пример торжества стиля над сутью: он бы уместнее смотрелся в шкатулке с украшениями, чем на стеллаже с

оружием.

– Но это же бессмысленно! – наконец воскликнула Белла, когда тишина стала совсем невыносимой. – Кто мог это сделать?

– Я сам задаюсь этим вопросом. – Не знаю, подходящий ли это был момент для расспросов, но она, похоже, немного пришла в себя. Да и, признаться, успокаивая ее, я и сам почувствовал себя немного сильнее. – Ты узнаешь фотографию?

Белла наклонилась вперед, рассмотреть изображение эффектной пожилой дамы в лисьей шубе. Частично скрытая пистолетом, фотография в рамке лежала в сантиметре от протянутых пальцев Сесиля.

– Это его жена, Гортензия. – Я ощутил, как Белла вздрогнула при этих словах. – Она умерла несколько лет назад.

Я присмотрелся к выразительным чертам пожилой женщины, к приподнятым уголкам губ в надежде понять, что привело убийцу в эту спальню.

Голос Беллы звучал ломко, так же как она сама выглядела в этот момент.

– Это просто ужасно. Зачем вообще кому-то убивать его?

– Ты серьезно спрашиваешь? Я только что с ним познакомился, а уже могу назвать несколько причин. – Я теперь не был уверен, что Белла обрадовалась таким близким объятиям, поэтому отступил на шаг. – Из-за привычек Сесиля чуть не сорвались съемки фильма Антона. Отец Сесиля то-

же был невысокого мнения о нем. А во время краткого появления в игровой он успешно оскорбил практически всех присутствующих.

Белла набралась храбрости и посмотрела на тело.

– В нем правда была хорошая сторона, и неважно, что ты видел.

Я вздохнул и пожалел, что выпустил ее из объятий.

– Ты всегда видела в людях хорошее.

В тот момент мне стало ее очень жаль. Белла оказалась в очень трудном положении, неудивительно, что у нее такой нервный вид. Вспышка гнева Сесила задела ее так же, как и бестактное поведение Гилберта, а теперь ее друг был мертв.

– В гардеробной есть телефон. Я вызову полицию.

Белла обессиленно спустилась по лестнице, а я смотрел ей вслед. И чем дальше она уходила, тем сильнее становилась знакомая боль внутри.

Как странно, что я беспокоился о своих сердечных делах, когда в нескольких метрах от меня лежал убитый мужчина. За свою литературную карьеру я убил трех бедолаг, а теперь передо мной оказалась настоящая загадка, которую предстояло решить, но я все еще хандрил из-за несчастного подросткового романа, который закончился десять лет назад. Наконец включились инстинкты писателя, и я попытался взглянуть на место преступления более аналитически.

– Возьми себя в руки, Мариус, – вслух велел я себе, но только почувствовал себя еще более нелогичным. – Улики.

Здесь должны быть улики. И как же их найти?

Я подумал, как бы в этой ситуации поступил мой детектив, инспектор Руперт Л'Эстрейндж, но так как на полу не было никаких следов подозрительных порошков или отпечатков ботинок в краске какого-то особенно редкого оттенка, мне это не очень помогло.

Открою вам секрет: мы, писатели детективов, все обманщики.

Да-да, все думают, что мы умные, потому что создаем такие хитрые сюжеты, но мы делаем все в обратном порядке. Как я недавно обнаружил благодаря краткому обучению бывшего суперинтенданта Эджингтона¹³ из Скотленд-Ярда, начать с убийцы и двигаться к убийству гораздо проще, чем наоборот. Писатели могут устанавливать собственные правила. Полицейским так не везет, и никаких признаков, что я стану приличным сыщиком, не было.

Я опустил на колени и начал искать корешки билетов. Просмотрел книги на тумбочке в надежде найти какую-то неожиданную информацию. Даже осмотрел постеры фильмов Сесиля, развешанные по стенам комнаты, – вдруг там окажется капля крови или дыра от пули и это укажет на личность убийцы. Но все без толку. На месте преступления не было ни одной улики, которые обычно появляются в детек-

¹³ Лорд Эджингтон – главный герой другой серии детективов Бенедикта Брауна – «Лорд Эджингтон ведет расследование», также написанной в сеттинге 1920-х годов.

тивах.

Все, что я видел, – это мужчину в модном костюме, который лежал мертвым на собственной кровати, а рядом с ним – старая фотография и дорогой пистолет. Я уже был готов сдать, но тут заметил еще один из традиционных семейных гербов. Этот был не нарисован и не отчеканен на стене. Он был выгравирован на рукоятке пистолета, и я мог сказать, что наконец обнаружил что-то стоящее.

Отсюда определенно выходило, что оружие убийства взяли где-то в доме. Для меня это означало, что убийца действовал по ситуации. Он увидел, что опьяневший актер не в состоянии двигаться, и придумал план в этот же самый вечер.

Я продолжил обыскивать комнату, но из интересного нашел только еще одну фотографию – самого Сесиля Синклера рядом с его же кроватью. Она даже была подписана «Сесил Синклер» – парень определенно был своим самым преданным фанатом. У меня был соблазн достать ее из рамы и спрятать в карман, но я сомневался, что полиция одобрит кражу потенциальной улики с места преступления до поимки убийцы.

Во время своих не очень продуктивных поисков я слышал, как Белла говорит по телефону внизу. Ее голос был спокойным и сдержанным, но я не сомневался, что в душе она все еще борется с эмоциями. Точные слова я не расслышал, но мне показалось, что местные власти помогать не очень хотели.

– Хорошо, – сказала Белла, когда я вернулся в гардеробную. – Я понимаю... Да, конечно, сержант. Спасибо...

– Прозвучало не очень обнадеживающе.

Она повесила трубку на рычаг и мрачно взглянула на меня:

– По крайней мере, сержанта из полиции Эверхэма в гробости обвинить нельзя: он пожелал мне счастливого Нового года.

– А как же тело?

Белла опустилась в единственное свободное кресло в комнате.

– Говорит, что не могут никого отправить к нам из-за снега. Не проехать по дороге отсюда до Рединга.

– Это безумие. – В детективных романах местные бобби, может, умом и не блещут, но мне с трудом верилось, что они могли так легкомысленно отнестись к убийству. – Ты ведь сказала им, что Сесила убили? Ну то есть что сомнений нет. Он не просто упал с лестницы. И то, что в него стреляли трижды, исключает самоубийство.

– Ну конечно я сказала, Мариус, – более жестким тоном подтвердила Белла. – Но сержант сообщил, что даже если бы не было снега, большинство его коллег в праздник не дежурят.

Я не мог в это поверить, так что так и сказал:

– Не могу в это поверить. А что, если бы была настоящая чрезвычайная ситуация, как...

– Как убийство?

– Ну да, именно.

Я прошел через комнату к окну, посмотреть на снег. Он действительно лежал толстым слоем, и едва ли я мог винить полицию в том, что они не надели галоши и не отправились в арктическую экспедицию.

– Мы должны рассказать остальным, – решила Белла, когда я уже не мог придумать никакой умной реплики. Я перевел взгляд на ее отражение в окне.

– Ты права, вот только... – Было что-то, что я не мог толком уловить... – Убийце долго бежать не пришлось.

– И что это доказывает?

– Сделав свое дело, убийца пробежал два пролета ступеней и, никем не замеченный, выскочил в холл. Едва ли это лучшее место для организации убийства.

В глазах Беллы мелькнуло воодушевление. Мне был знаком этот взгляд. В нем читался намек на прежнюю магию, которой ей сейчас не хватало.

– Ты прав, возможно, это произошло спонтанно. Возможно, из-за состояния Сесила убийца поменял свой план. – Она подошла ближе к винтовой лестнице и посмотрела вверх. – Может ли быть, что...

Я понял, что она имела в виду, и тоже подошел послушать.

– Думаешь, убийца все еще может быть там?

Ее мозг вдруг начал работать на более высокой скорости. Белла заправила длинную прядь шелковистых черных волос

за ухо и за это одно движение стала другим человеком.

– Через сколько времени после выстрелов мы оба вышли из гостиной?

– Может, через десять секунд. Пятнадцать – максимум.

– Именно. И с этого момента мы ничего не слышали. И что важнее, не видели.

Я одобрительно кивнул:

– Ты права. Если убийца сбежал из башни, мы бы из коридора его увидели. У него было слишком мало времени. Он должен был знать, что кто-то придет проверять, в чем дело.

Мы медлили у подножия лестницы, испугавшись, что убийца слушал все, что мы говорим и делаем.

– Нет, немного не так, – решил я, пока мы не поднялись обратно в эту мгновенно ставшую более опасной комнату Сесила. – Не мог там никто прятаться. Я даже под кроватью посмотрел. У негодя было достаточно времени, чтобы выйти из спальни, а потом он, наверное, услышал нас. И чтобы не столкнуться с нами, разумнее было бы спрятаться здесь.

– Ты умница! – Возможно, с ее стороны было несколько невежливо так удивляться моему интеллекту, но я постарался не обижаться. – Наверху спрятаться негде, но он мог спрятаться в гардеробе или даже просто за занавесками.

Думаю, мы оба были рады, что не придется снова подниматься в спальню Сесила. Мысль о необходимости заглянуть в двойные двери шкафа и так была достаточно пугающей. Единственным плюсом было то, что мы знали: орудие убий-

ства все еще лежит на кровати Сесила.

– Ты права. И на самом деле мне кажется, что, когда мы в первый раз прошли здесь, дверца шкафа была приоткрыта.

Мы подошли к гардеробу и взялись каждый за свою ручку.

– На счет «три»? – предложила Белла и начала считать.

Я остановил ее на счет «два»:

– Есть еще вариант, в котором вероятность, что нас убьют, меньше.

Она облегченно выдохнула:

– Ну слава богу.

Глава 9

Повернув ключ в двери, которая вела в покои Сесила, думаю, мы оба почувствовали себя значительно лучше.

– А теперь остается лишь собрать всех вместе, – предложил я. – И если убийца еще не сбежал, тот, кто не придет, и окажется преступником.

Белла уже развернулась и пошла прочь.

– Еще одна отличная идея, мистер Куин. Я впечатлена.

– Ты постоянно так говоришь, как будто удивляешься, что у меня есть мозги. Разве в детстве я не был умным?

Она ответила, только когда мы вышли из холла:

– Когда мы были детьми, я знала, что ты дотошный. И очень рада, что проглядела, насколько ты умен.

Я мог бы обидеться, но решил ничего не говорить. Белла снова оглянулась туда, откуда мы пришли, явно все еще думая о потере друга.

– Надо пойти в столовую, – решила она, возвращая нас к нашему заданию. – Сюда.

Проходя к парадным залам Эверхэм-холла, я еще раз прислушался к звукам в доме.

Осознание, что в доме скрывается убийца, дезориентировало. И хотя в последние годы я провел бесчисленное множество часов, планируя преступления и думая о трупах, провести вечер с убийцей мне не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.